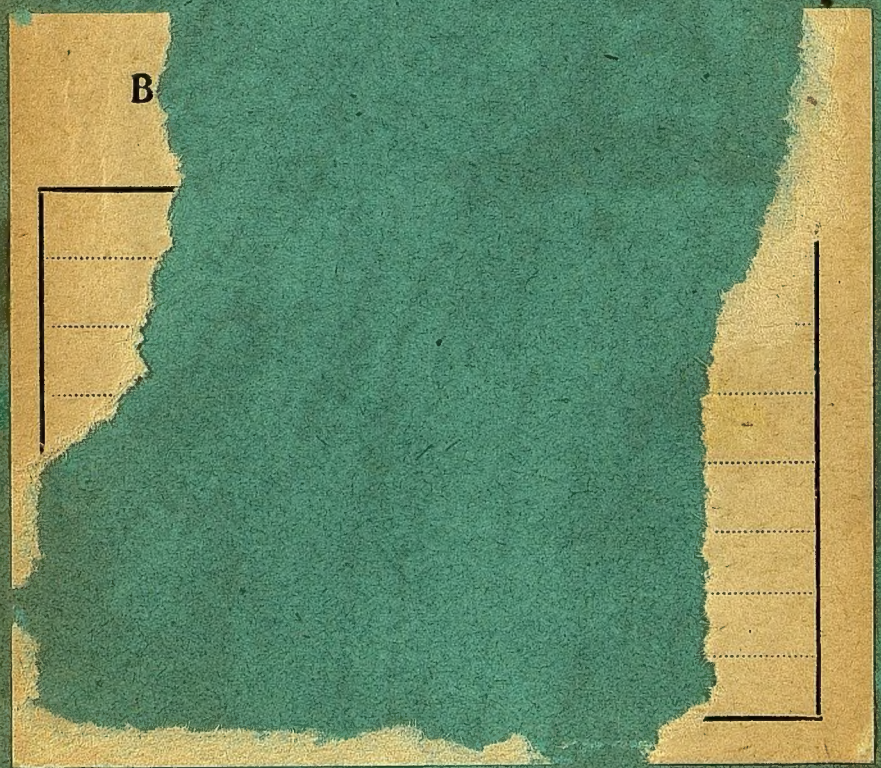
10
685
Эйдеман, Р.
Армия в 1917 г.
371863


B

10 —
685

ИСТПАРТ И АГИТПРОП ЦК ВКП (б)
БИБЛИОТЕЧКА ОКТЯБРЯ

10 — 685
24 р

Р. ЭЙДЕМАН и В. МЕЛИКОВ

847 Р.Д.
Э. 30

АРМИЯ
в 1917 году

ПРОВ. 1935
ПР

Со вступительной статьей
О. А. ВАРЕНЦОВОЙ
„СТАРАЯ АРМИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ“

17540

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
371863

Главлит № 97742 Гиз № 22627. Тираж 25 000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

СТАРАЯ АРМИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ (1917 Г.).

Разложение царской армии началось задолго до Февральской революции. Экономически отсталая и в военно-техническом отношении слабо подготовленная Россия вступила в империалистическую войну как наемник англо-французского капитала, находясь в полной зависимости от последнего. Война, как известно, является точной проверкой устойчивости государственного строя, резко проявляя его теневые и положительные стороны. И война 1914 года вскрыла всю рутину, неподвижность и негодность нашего полукрепостнического строя. Уже в первые недели и месяцы войны обнаружились в полной мере все недостатки его, отмеченные лицами, близко стоящими к делу обороны. Генерал Куропаткин в своем дневнике (от 24—27 декабря 1914 г.) рисует безотрадную картину положения дел на фронте, подчеркивая, что пища у нижних чинов плохая. Хлеба мало. С продовольствием не справляются, люди голодают. Сапог у многих нет, ноги завернуты полотнищами. «Особенно тревожно состояние артиллерийских запасов»*)—пишет он. «Укомплектования несвоевре-

*) Разложение армии в 1917 г. Центрархив. 1917 г. в документах и материалах, стр. 1—2.

Даты во всей статье по старому стилю.

менны. Ружья не во всех частях приспособлены к стрельбе—новым придатком» *). «Об армии самые тяжелые вести»,—отмечает он (17 сентября 1915 года). «Отсутствие патронов, снарядов, явное превосходство противников действует вредно в моральном отношении, располагает малодушных к сдаче, иногда целыми частями» **).

За первыми военными успехами царская армия потерпела ряд тяжелых поражений весной и летом 1915 года.

После упорной борьбы и нечеловеческих усилий наши армии, откатываясь от Перемышля и Варшавы, живо и остро почувствовали превосходство сил противника, свою неподготовленность и бессилие, расплачиваясь жизнью за неумелое и неудачное руководство боевыми операциями своего командного состава, за плохую постановку военного дела в целом. Солдаты теряли уверенность в успехе дальнейшей борьбы, убеждаясь в ее бесплодности. Росло в армии недовольство, недоверие и неприязнь к командному составу, росли также равнодушие и пассивность. Скоро стали обнаруживаться признаки деморализации, упадок дисциплины. Родзянко, председатель IV Государственной думы, отмечает, что в период 1915—16 гг. в плену у неприятеля находилось около 2 миллионов солдат, а дезертиров с фронта насчитывалось около полутора миллиона человек,—значит, отсутствовало около 4 миллионов боеспособных людей. Эти цифры сами за себя говорят. «Пополнения,—пишет Родзянко,—посылаемые из запасных батальонов,

---

*) Новый прицел, повысивший дальность стрельбы из винтовки до 3.100 шагов.

**) Там же, стр. 2.

приходили на фронт с утечкой 25% в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались в виду полного отсутствия состава эшелона за исключением начальника его, прапорщика и других офицеров». Одной из причин этих мрачных обстоятельств Родзянко считает тот факт, что «распоряжения высшего командного состава были далеко не всегда на высоте своего положения и что брожение в армии началось на почве недовольства высшим командным составом, которое затем перенеслось и на младшее офицерство». Следует отметить, что командование царской армии и в ходе боевых операций зависело от союзников, диктовавших ему условия наступления и отступления, далеко не всегда считаясь с интересами нашего штаба. Наша армия, а через нее и все крестьянство наглядно и в короткий срок убедились в негодности старого строя и были подготовлены к восприятию Февральской революции. Война послужила хорошей проверкой для царской монархии.

Как отнеслась армия на фронте к февральскому перевороту? До него брожение и недовольство, охватившее фронтовиков, таилось где-то в глубине, не проявляясь открыто, не выливаясь в форму организованного протеста. Крестьянская армия оставалась пассивной, смотрела на войну, как на тяжелый крест, который надо нести. После появления приказов Петроградского совета № 1 и 2 О демократизации армии, солдатская масса зашевелилась, стала активной, заговорила о своих правах. Прежний страх перед начальством сразу исчез, а местами и само начальство исчезло. Перед армией встали два злободневных и острых вопроса: вопрос об отношении к командному составу и вопрос о мире—

как кончить войну и добиться мира. В это время армия строит свои армейские организации. Солдаты приэтом производят основательную чистку, подвергая аресту и устраняя с командных должностей сторонников старого режима, подрывая, таким образом, его устои в армии. Здесь резко проявляется и классовый антагонизм. Солдаты видят в офицере, генерале не только командира, но своего классового врага—помещика и капиталиста.

Командующий 5-й армией Драгомиров сообщает генералу Рузскому (главнокомандующему армиями Северного фронта), что «общее настроение в армии с каждым днем становится напряженнее. Некоторое успокоение, которое наблюдалось в первые дни после созыва общего собрания депутатов от всех частей, управлений и учреждений армии, в последние дни сменилось проявлениями крайне опасного свойства. Аресты офицеров и начальников не прекращаются. Два дня тому назад был арестован командир 144 пех. Каширского полка. К прежним обвинениям в приверженности к старому режиму или несправедливом отношении к солдатам за последние дни стали высказываться обвинения начальников о несоблюдении очереди в постановке на позиции... Боевое настроение упало. Не только у солдат нет никакого желания наступать, но даже простое упорство в обороне и то понизилось до степени, угрожающей исходу войны» (18/IV—1917 г.) *).

Генерал Алексеев телеграммой сообщает военному министру, что по донесению генерала Смирнова в 68 Сибирском стрелковом полку письменным постановлением депутатов офицеров и солдат это-

*) Разложение армии в 1917 г., стр. 30.

го полка арестован командир полка, удалены от командования батальонами полковники Григорьев и Шлиппер. Мотивы ареста и удаления: резкость и грубое обращение этих офицеров, недоверие к их боевым качествам и несочувственное отношение командира полка к совершившемуся перевороту (20/IV—1917 г.). Генерал Миллер был арестован солдатами за то, что потребовал у них снятия красных бантов, «как неустановленных формой одежды».

Солдаты очень ревниво охраняли свои права от всяких покушений со стороны начальства, относясь к последнему с крайним недоверием, подозревая его в попытках восстановить старые порядки. Члены Государственной думы Янушкевич и Филоненко, объезжавшие фронт в марте 1917 г., в своем докладе пишут: «На собрании солдат и офицеров дебатировалась масса вопросов. Когда мы прочли приказ Гучкова о вежливом обращении, солдаты стали задавать вопросы относительно чести, розог и т. д. Как Временное правительство на это смотрит, что оно будет делать? Спрашивали, арестован ли Романов со своей семьей. Как только сказали, что арестован, стали кричать «ура». Интересовались, будет республика или монархия». «Некоторые отдельные группы отказались принимать присягу. Мы спрашивали:—На каком основании?—Нас заставляет присягать старое начальство, может быть, старому правительству», говорили фронтовики. Докладчики подчеркивают, что на фронте их встречали восторженно. Солдатско-крестьянская масса в первый период революции плохо еще разбиралась в программах политических партий, не понимала тесной связи Временного правительства с англо-французскими империалистами и с своими

помещиками и капиталистами и находилась под идейным влиянием соглашательских партий меньшевиков и эсеров, которые, составляя большинство в армейских комитетах, поддерживали и закрепляли сотрудничество с буржуазией. Только позднее в борьбе за мир вскрылся резкий антагонизм, полное расхождение и окончательный разрыв между армией и Временным правительством, а также и соглашательскими партиями.

Вопрос о мире больше всего тревожил и волновал фронтовиков. Уставшая и переносившая бесконечные лишения армия только и думала о мире, хотела прекращения войны. Все письма солдат фронтовиков в редакции газет проникнуты жаждою мира и ненавистью к войне. Самую свободу солдатская масса расценивала как преддверие мира. «Какая теперь война, теперь свобода», говорили солдаты, молчаливо решившие не итти никоим образом в наступление, но фронт держать. «Пассивный, молчаливый саботаж войны,—таков был первый ответ, который дала крестьянская армия на известие о революции», пишет тов. Крыленко *). А вот показание генерала Краснова о настроении армии (казаков). Он сам систематически занимается политическим воспитанием своей казачьей дивизии, поддерживая в ней старую дисциплину. «А когда я на маневрах,—пишет Краснов,—обучал резать проволоку, метать ручные гранаты, врываться в окопы, а потом бросаться в конном строю в преследование,—я слышал разговоры, что «нам это делать не придется. Война кончена!» Так думала образцовая дисциплинированная дивизия.

---

*) Февральская революция и старая армия. „Прол. рев.", № 2—3, 1927 г.

Кубанские казаки, посланные усмирять взбунтовавшиеся полки, сами разбежались.

Вторым вопросом, приковавшим внимание крестьянской армии, был вопрос о земле. «Казаков больше всего интересовали вопросы данного исторического момента и, конечно, земля, земля и земля... Очень остро ставился земельный вопрос»,— пишет Краснов.

В февральско-мартовские дни пролетариату удалось увлечь за собой армию в революционную борьбу, которая и положила начало единению рабочих и солдат, закрепленному созданием Советов рабочих и солдатских депутатов. Переход армии на сторону восставшего народа решил победный исход борьбы. Эта роль армии была учтена всеми политическими партиями, стремившимся использовать ее в своих классовых интересах. Армия с первых дней революции становится ареной политической борьбы.

Помещики и капиталисты, правильно оценивая старую послушную армию, как опору своей власти, стремятся закрепить свое влияние над ней, ослепить ее трескучими фразами о «любви к отечеству и народной гордости» и блестящими перспективами завоевания Дарданел и разгрома Германии, разжечь ее патриотические чувства, чтобы продолжать войну. Партия же большевиков ставила своей задачей низвержение Временного правительства и завоевание власти пролетариатом, опирающимся на крестьянство, причем она предвидела, что переход государственной власти от одного класса к другому не может совершиться без вооруженной борьбы. Поэтому она, призывая к организации вооруженных сил (Красная гвардия, народная милиция), также не могла не уделять достаточно внимания

и работе в армии. Сейчас же после февральского переворота в Петрограде и Москве были созданы военные организации для работы в местных гарнизонах, но скоро они стали обслуживать и фронт, распространяя там свою литературу, завязывая связи. Они развили широкую агитацию и создали организационную базу в армии. Лозунги нашей партии—лозунги мира, конфискации всей земли, братания—находили живой отклик в крестьянской армии. Труднее воспринимался солдатами лозунг—«долой Временное правительство», потому что не совсем для них был ясен его классовый характер, связь его с помещиками и капиталистами, а агитация меньшевиков и эсеров и их соглашательская тактика еще более запутывала этот вопрос. Армии пришлось пережить целый ряд тяжелых испытаний, чтобы окончательно освободиться от коалиционных иллюзий, порвать с ними.

14 марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов обратился с манифестом к пролетариям всего мира, призывая их к совместному решительному выступлению в пользу мира. Через несколько дней Временное правительство заявило, что оно стремится к утверждению прочного мира на основе самоопределения народов. Сделав эти мирные заявления, успокоив армию, Временное правительство переходит к подготовке ее к наступлению. Несмотря на то, что страна была истощена, армия деморализована, потеряла боеспособность, устала, хотела мира и не было никаких оснований рассчитывать на успех,—все-таки решили наступать под давлением союзников. Временным правительством делаются попытки поднять наступательное настроение солдат. В спешном порядке идет формирование добровольческих ударных ча-

стей. Чтобы поднять дух армии, Керенский объезжает фронт, произносит горячие речи. Наступление санкционируется Съездом советов, который обращается с воззванием к армии о наступлении. Только партия большевиков решительно высказывается против наступления, и тов. Позерн от ее имени на Съезде советов заявляет, что вся ответственность за приказ о наступлении ляжет на Временное правительство и меньшевиков и эсеров, поддерживающих его.

Наступление, начавшееся 18 июня на юго-западном фронте, после первых незначительных успехов, как и следовало ожидать, закончилось полным поражением. Немцы в свою очередь тоже перешли в наступление, прорвав под Тарнополем наш фронт.

Глубоко возмущенные солдаты петроградского гарнизона и рабочие ответили на наступление Керенского выступлением 3—4 июля, недостаточно подготовленным и неудачным, которое нашей партии пришлось сдерживать. Контрреволюция поднимает голову, направляя прежде всего удары на партию большевиков, обвиняя их как германских шпионов, изменников. Отдается приказ об аресте Ленина, Зиновьева и друг. Редакция газеты «Правда» подвергается разгрому. Большевики временно вынуждены уйти в подполье.

Наступление дало толчок мобилизации контрреволюционных сил.

«Наступление, писал Ленин, означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано усиление шовинизма и пере-

ход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а с другой стороны, переход к насилию над массами и преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны» *).

После июньского поражения Временное правительство производит жестокую расправу с фронтовиками, усмиряя вооруженной силой мятежные полки, производя массовые аресты и заполняя тюрьмы солдатами. По предложению Савинкова и Корнилова, для восстановления порядка и дисциплины в армии, правительство восстанавливает смертную казнь для военнослужащих и учреждает военно-революционные суды. Карательная политика Керенского—Корнилова окончательно разрушила армию. Никакие угрозы, никакие суровые меры уже не действуют. Наоборот, они ведут к полному развалу. Ожесточение и озлобление фронтовиков против командного состава крайне обостряется. Нередки случаи убийства солдатами своих командиров.

Так комиссар Западного фронта телеграммой сообщает военному министру, что 12 июля убит комиссар первого Сибирского корпуса поручик Романенко, приводивший к повиновению солдат 5 и 6 полков. А вот телеграмма генерала Барановского от 31/VII об убийстве командира 299 Дубненского полка Пургасова. Обстоятельства, при которых совершилось убийство, пишет генерал, были следующие: «Одна из рот Дубненского полка отказалась признать своим начальником офицера, вновь назначенного командиром этой роты. По выяснении

*) Соч. Ленина, XIV т., 2 ч., 41 стр.

главных виновников и их ареста, роту приказано было расформировать, но рота не подчинилась этому приказу и взбунтовала часть полка. При попытке командующего полком восстановить порядок силою оружия, остальная часть полка присоединилась к бунтовщикам, окружила командующего полком, который пал под ударами прикладов обезумевшей толпы» *). Подобные расправы были не единичны, а широко применялись.

Так ответила армия на попытки продолжать войну до победного конца и вести ее старыми методами.

Корниловский мятеж только подлил масла в огонь, дезорганизовал окончательно высшее командование и не укрепил позиции буржуазии. Корнилов принадлежал к группе контрреволюционных генералов, враждебно относившихся к Советам и готовых одним ударом положить конец их «разрушительной деятельности», Корнилов вместе с Крымовым еще в марте 1917 г., будучи главнокомандующим Петроградского военного округа, составляли план разгона Советов и разгрома революционного Петрограда. По словам Деникина, генерал Крымов предлагал «в два дня расчистить Петроград силой одной дивизии, конечно, не без кровопролития». «Общее политическое положение,—пишет Деникин,—Корнилов определял так же, как и Крымов: отсутствие власти у правительства и неизбежность жестокой расчистки Петрограда. Но Корнилов упрямо надеялся еще, что ему удастся подчинить своему влиянию часть петроградского гарнизона,—надежда, как известно, не сбывшаяся». Среди солдат столицы он не пользовался попу-

*) Разложение армии в 1917 г., стр. 153—5.

лярностью. Войска относились к нему неприязненно,—не выходили из казарм для встречи своего главнокомандующего, подымали свист, срывали георгиевский флажок с его автомобиля.

После июньского наступления Корнилов был назначен верховным главнокомандующим. Имя его сделалось ненавистным для фронтовиков. Зато буржуазия перенесла на него все свои надежды, ожидая чудес—что он восстановит боеспособность армии, поведет ее к победам, разгонит Советы. Корнилова энергично поддерживает Совет союза казачьих войск, который в своей резолюции заявляет, что генерал Корнилов не может быть смещен. Совет союза заявляет Временному правительству и народу, что он снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене генерала Корнилова. Подобная же резолюция вынесена конференцией союза георгиевских кавалеров, где говорится, что «если генерал Корнилов будет смещен, то союз немедленно отдаст боевой клич всем кавалерам о выступлении совместно с казачеством». Главный комитет союза офицеров армии и флота тоже приветствует «своего любимого вождя и возлагает на него все свои надежды на грядущий порядок». Это все контрреволюционные военные организации выражают Корнилову свою преданность. А от них не отстают и общественные деятели. 8 августа в Москве открылось частное совещание общественных деятелей, созванное группой лиц во главе с Рябушинским и Родзянко, на котором присутствуют до 300 чел., в том числе Милюков, Маклаков, Шингарев, Коновалов, Шидловский, Алексеев, Каледин, Юденич, Грузинов. Заседание закрытое, представители печати не допускаются.

Тщательный контроль. Совещание встречает бурной овацией депутацию георгиевских кавалеров и присоединяет свой голос к голосу офицерства и казачества, приветствуя Корнилова. Таким образом, Корнилов становится центральной фигурой для мобилизующихся сил контрреволюции.

Наша революция после июльских дней переживала момент перелома. Основной вопрос революции—вопрос о государственной власти—крайне обостряется. Установившееся после февральского переворота двоевластие (Временное правительство и Советы) постепенно исчезает. Соглашательские партии меньшевиков и эсеров, отражая неустойчивое положение мелкой буржуазии между трудом и капиталом, проявляют обычное им шатание и колебание, сдают буржуазии одну позицию за другой. Забывая свои пацифистские воззвания, выносят резолюции с призывом к наступлению, к продолжению войны, одобряют и поддерживают решения о вызове войск с фронта для разоружения и подавления петроградских рабочих и солдат, выдают интернационалистов—вождей пролетариата. После июльских дней власть фактически находится в руках буржуазии, а Советы являются только внешним прикрытием ее господства. Но буржуазия этим уже не ограничивается, она стремится ко всей полноте власти, к диктатуре буржуазии, хочет добиться этого одним ударом. Корниловский мятеж—есть попытка буржуазии сделать решительный, крутой поворот истории, чтобы обеспечить себе неограниченное господство. Керенский, метавшийся за весь период от февраля к октябрю, между революцией и контрреволюцией, буржуазией и демократией и теснее связанный с последней, казался не совсем пригодным для этой роли. Выбор бур-

жуазии падает на Корнилова, который действовал несомненно в полном согласии с ее вождями—Милюковым, Львовым, Родзянко и другими по заранее обдуманному плану. В заговоре принимают участие генералы Крымов, Лукомский, Каледин, Краснов и другие. Керенский и Савинков в корниловские дни играли двойственную роль. Напомним некоторые моменты разыгравшейся тогда драмы. Временное правительство решило ввести в Петрограде военное положение, очистить город от революционных войск и заменить их более надежными частями с фронта. Керенский через Савинкова, прибывшего в ставку 23 августа, предлагает Корнилову направить к Петрограду 3-й конный корпус в распоряжение Временного правительства под тем предлогом, что в Петрограде будто бы ожидалось выступление большевиков. В то же время Львов с согласия Керенского ведет переговоры с общественными деятелями, даже правее кадетов, о сформировании более крепкого кабинета, а затем едет в ставку и представляет Корнилову определенную программу и требования различных общественных групп. Тогда Корнилов предлагает Временному правительству следующие ультимативные требования, переданные через Львова: «1) объявить Петроград на военном положении; 2) передать всю власть военную и гражданскую в руки верховного главнокомандующего; 3) отставить всех министров, не исключая и министра-председателя, и передать временно управление министерствами товарищам министров впредь до образования кабинета верховного главнокомандующего» *). По поводу этих требований Корнилов потом

*) В. Владимирова. „Революция 1917 г.“, т. IV, стр. 90—98.

объяснял, что Львов приезжал к нему по поручению Керенского с предложением высказать ему свой взгляд на три варианта, намеченные Керенским: «первый вариант—уход его из состава правительства, второй—участие Керенского в составе правительства и, наконец, третий—предложение мне (Корнилову) принять диктатуру с объявлением таковой нынешним Временным правительством. Я заявил, что, по моему глубокому убеждению, я единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении».

Командующим 3-м конным корпусом был назначен генерал Крымов, получивший от Корнилова предписание выполнить две задачи: 1) в случае выступления большевиков немедленно двигаться на Петроград, занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Совет; 2) по выполнении этой задачи ген. Крымову предлагается разоружить Кронштадтскую крепость. Крымов, в свою очередь, дает еще более свирепые распоряжения начальнику туземной дивизии Багратиону: «1) Первоначально вам надлежит,—пишет Крымов,—выделить части для обезоружения нынешних гарнизонов Павловска и Царского Села, 2) в Петрограде на вас возлагаются задачи: а) разоружить все войска (кроме училищ) нынешнего петроградского гарнизона и всех рабочих заводов и фабрик; б) поставить, где надо, свои караулы, организовать дневное и ночное патрулирование районов; в) силой оружия усмирять все попытки к беспорядкам и всякое неповиновение моим и вашим распоряжениям». К этой телеграмме приложен приказ № 1, который Крымов предлагает издать немедленно

после занятия Петрограда. Приказ объявляет Петроград на военном положении, запрещает митинги, забастовки, вводит на все газеты и журналы предварительную цензуру, приказывает всем немедленно сдать оружие, немедленно сформировать военно-полевые суды, каждый суд в составе 3 офицеров, предупреждает, что войска не будут стрелять в воздух. Так подготовлялся разгром красной столицы, очага революции, а вместе с ней и революции всей страны. К счастью для революции, силы и подготовленность заговорщиков были далеко не так велики, как их злоба и бешенство. Они оказались менее организованными и решительными, чем силы революции. Рабочие и солдаты Петрограда быстро подготовились, чтобы дать отпор жаждущему их крови врагу. А самое важное, что в их распоряжении не оказалось той вооруженной силы, на которую они рассчитывали опереться. В решительный момент даже казаки и дикая дивизия дрогнули.

Партия большевиков, разоблачая с первых дней революции эсеров и меньшевиков, подчеркивала, что их соглашательская политика неизбежно ведет к бонапартизму: «Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, неких генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия как класс, с партией кадетов во главе... Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией — пустые фразы, «самообман и обман народа» *). Так писал Ленин в июльские дни. Партия в корниловские дни развила широкую агитацию. Воззвание

*) Собр. соч. Ленина, т. XIV, 2 ч., стр. 152—154.

ЦК, ПК и Военной организации призывает трудящихся Петрограда к самой решительной борьбе с контрреволюцией, разъясняя, что «спасение революции в революционной энергии самих пролетарских и солдатских масс», в их дисциплинированности и организованности.

Заговорщики прежде всего не столковались между собой. Между ними начались счеты. Керенский, связанный еще с ЦИК, заколебался. Он хотел бороться с большевиками, но задуманный Корниловым переворот его пугал. Меньшевики и эсеры, видя надвигавшуюся опасность, тоже забили тревогу. Керенский предлагает Корнилову сдать командование генералу Лукомскому и немедленно выехать в Петроград (26 августа). Львов, ведший переговоры между ставкой, общественными деятелями и Керенским, подвергается аресту и допросу, а Корнилова, отказавшегося сдать командование, Временное правительство объявляет изменником родине. Исполнительный комитет советов в своем обращении к армейским комитетам предлагает им не исполнять приказаний Корнилова и Лукомского. Корнилов ответил на это обращением «Ко всем русским людям». На помощь Корнилову поспешил Каледин со своими угрозами отрезать Москву от снабжающего ее юга, если не будут приняты Временным правительством условия Корнилова. Но 30 августа был уже опубликован приказ о предании суду мятежников: генерала Корнилова, Лукомского, Деникина, Маркова и Кислякова.

Корнилов, вопреки ожиданиям буржуазии, оказался плохим организатором гражданской войны. Он слишком пренебрежительно отнесся к своим классовым врагам—трудящимся массам. Недооценил их сознательность, организованность, энергию,

энтузиазм, а главное, не учел настроения солдатских масс, которые должны были играть решающую роль в его попытке захватить власть. Он даже лично не участвовал в походе, предпочитая отсиживаться в Могилеве, окруженный ударниками и туземцами.

В ставке были уверены в успехе восстания, смотрели на поход на Петроград, как на увеселительную прогулку. Кто такой Керенский?—Фигляр,—говорили штабные. Что такое Петроградский гарнизон? Трусливая, разнузданная банда, а у нас имеются отборные бойцы. Так думали заговорщики. Генерал Краснов, назначенный командиром 3-го конного корпуса, подчеркивает, что в ставке ему не могли толком объяснить, где он может настигнуть свой корпус и найти генерала Крымова, заявляя, что все движется эшелонами и связи с ними нет.

А эшелоны 3-го конного корпуса медленно ползли по железнодорожным путям, подолгу останавливаясь на станциях, где устраивались митинги, солдаты слушали ораторов-большевиков, не подозревая, на какое дело их ведут до появления приказов Керенского. Когда же замыслы Корнилова были открыты, железнодорожники, чтобы задержать движение эшелонов, разрушали путь и часто загоняли эшелоны на глухие переезды, оставляя их без паровозов.

А питерские рабочие и солдаты готовы были встретить врага. Генерал Краснов, направляясь в Псков в поисках своего корпуса, на станции Дно узнает, что дальше ехать нельзя, путь между Вырицей и Павловском разобран и идет перестрелка между всадниками туземного корпуса и солдатами петроградского гарнизона, вышедшими

навстречу. В полученном приказе Крымова,—отмечает иронически Краснов,—было подробно указано, что надо делать, когда Петроград будет занят. Какой дивизией, какие части города занять, где иметь наиболее сильные караулы, не было предусмотрено только одного—встречи с боем до входа в Петроград. Занятие красной столицы заговорщикам казалось таким простым и легким делом, о котором не стоило и говорить. Но они жестоко ошиблись в своих расчетах. За время революции трудящиеся массы успели политически вырасти и организоваться, чтобы успешно отразить нападение своих классовых врагов. До решительной схватки дело не дошло, так как началось брожение среди казаков 3-го конного корпуса и туземцев дикой дивизии после появления приказов Керенского об измене Корнилова и в особенности под влиянием агитации проникших к ним из Петрограда революционных рабочих и солдат, выяснивших обманутым казакам и горцам смысл происшедших событий и вырвавших их из-под влияния начальников-корниловцев. Так, 30 августа в штаб дикой дивизии, вместе с мусульманской делегацией, явилась делегация выступавших против корниловцев революционных войск—Преображенского, Измайловского, Семеновского и других полков. «Команда связи, захватив паровоз, отправила агитаторов по всей линии для объяснения каждому эшелону создавшегося положения». Был созван корпусной совет, на который каждая часть послала своего делегата. Здесь была выбрана делегация для посылки к Керенскому для выражения преданности революции и демократии.

31 августа к Керенскому явилась делегация от Уссурийской дивизии, заявившая, что дивизия ни-

когда не имела контрреволюционных замыслов; двигаясь на Петроград, исполняла лишь приказ своего начальства. В Лугу прорвались два члена крестьянских депутатов (казаки) для агитации.

Наступление на Петроград было ликвидировано. Корнилову не удалось использовать армию, чтобы захватить власть и провозгласить себя диктатором.

В корниловские дни большевики вместе с эсерами, меньшевиками и Керенским боролись против Корнилова. Но это совместное выступление не обязывало нашу партию к поддержке правительства Керенского, к блоку с ним. «По моему убеждению в беспринципность впадают те, кто скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до блока с эсерами, до поддержки Временного правительства... Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Неверно было думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней» *). Последующие события оправдали это предвидение. После корниловского восстания боевое настроение масс росло не по дням, а по часам, а вместе с ним растет и влияние нашей партии и недоверие к Временному правительству и соглашательским партиям. Рабочие и солдаты резко реагируют на все политические события. На митингах царит необычайное возбуждение. Речи ораторов прерываются дружными, долго несмолкаемыми возгласами: «Долой Керенского! Долой Временное правительство!»

Восстание Корнилова довершило развал старой армии. Идеи большевизма быстро распространяются среди фронтовиков. «Кого же мы будем уби-

*) Собр. соч. Ленина, т. XIV, ч. 2, стр. 95—96.

вать? Мы думаем так: своих же братьев рабочих»,—пишут фронтовики в своих письмах. Нередко в письмах солдаты заявляют, что они считали большевиков какими-то разбойниками, врагами народа и, только познакомившись с их газетами и листовками, узнали, что такое большевики и чего они добиваются».

Все официальные донесения говорят о том, что на фронте создалось катастрофическое положение. «Общее настроение армий продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным, каким оно было в первой половине месяца. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее притти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий в виду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира угнетающе действуют на настроение и приводят к разочарованию». Настроение войск фронта ухудшается с каждом днем, в связи с пораженческой агитацией, вливающейся в войска путем печати и проповеди большевизма... Недовольство арестами большевиков и закрытием «Правды» *). В 10-й армии обсуждение боевых приказов приняло характер хронический и массовый. Затем сводка перечисляет, что такой-то полк отказался итти на позиции, такая-то рота отказалась от работ и т. д. Таково было положение дел на фронте по военным сводкам.

---

*) Сводка донесений о настроении армии с 18 по 30 октября 1917 г. („Разложение армии в 1917 г.“, стр. 143.)

Все делегации с фронта заявляли, что 4-й зимней кампании армия не вынесет и требует объявления перемирия.

При таком состоянии и настроении старая армия не могла быть использована контрреволюцией против пролетарской революции, нашадшей себе опору в крестьянской армии.

О. Варенцова.

АРМИЯ В 1917 г.

Офицеры-небольшевики говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее даже на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт неприглядной действительности, а не прятаться за гордыми фразами.

Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно было сделать,—скорее демобилизовать ее.

Эта больная часть организма, которая с неслыханными мучениями терпела лишения войны, на которую пошла технически неподготовленной, вышла из нее в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, которые вынесли эти неслыханные страдания.

Мы в сотнях резолюций с полной откровенностью даже втечение первого периода русской революции говорили:

„Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем". Можно было искусственно оттягивать, можно было проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность все же прокладывала себе дорогу.

В. И. Ленин, Собр. соч., том XV, стр. 121—122.

* * *

Если революция 1905 года была «генеральной репетицией» к великому Октябрю, то и революционное движение и восстания, которые прокатились по всем военным округам и охватили Балтийский и Черноморский флоты в 1905—1906 гг. *) были такой же генеральной репетицией полного разложения и уничтожения царской армии в 1917 году.

Ясные признаки разложения и потери боеспособности царских вооруженных сил появились еще задолго до февраля 1917 года.

Уже в 1915—1916 годах стало совершенно очевидным, что царская армия как цельная, мощная, боевая сила перестала существовать.

Слабоумный «верховный вождь армии» и «хозяин земли русской»—Николай II со своей придворной кликой и с бездарными командующими генералами сделали все для того, чтобы расшатать и развалить армию.

Еще задолго до Февральской революции плохо обученная, почти невооруженная, гонимая на невиданный убой, солдатская масса, несмотря на

*) См. вышедший сборник „Армия в первой революции", материалы и документы Истпарта ЦК ВКП (б), изд. ГИЗ, Москва, 1927 г.

беспощадные расправы и расстрелы, стала открыто бунтовать, не желая итти в наступление, итти из запасных частей на фронт, и начала сотнями тысяч дезертировать *), или просто сдаваться в плен **).

Особенно показательно выявляет настроение солдатских масс последняя большая военная операция на фронте XII армии в конце 1916 и в начале 1917 года.

Один из участников, И. И. Вацетис, так описывает обстановку этой операции.

«От начала ее (23 декабря 1916 г.) ***) до конца (21 января 1917 г.) она представляет из себя сплошной протест против продолжения войны. Солдаты пускали в ход все виды протеста, начиная от письменных воззваний, кончая восстаниями целых полков. Агитация за прекращение войны и за свержение царизма велась в самых широких размерах, можно сказать, на всем фронте армии, а 23, 24 и 25 декабря она была поддержана воору-

---

*) Бывший председатель Государственной думы Родзянко утверждает, что к началу 1917 г. дезертиров набралось до $1^1/_2$ миллиона человек (см. „Архив русской революции", т. VI, стр. 41, издаваемый кадетом Гессеном в Берлине).

**) 1 февраля 1915 г. известный по русско-японской войне генерал Куропаткин (некоторое время он командовал Северным фронтом в 1915 г.) записывает в свой дневник: „Есть корпуса, где все еще голодают. Там были случаи возмутительные: целые роты вместо контратаки подходили к германской траншее и поднимали ружья — сдавались. Утомились лишениями и войной. В армии много говорят о том, что надо скорее изменить порядки. Вспоминают японскую войну, с признанием, что тогда порядка было много больше (?! — *Р. Э.* и *В. М.*), несмотря на одну железную дорогу". („Разложение армии в 1917 г.", ГИЗ, 1925 г., стр. 2.)

***) Все даты как здесь, так и в последующем изложении по старому стилю.

женным восстанием полков 5 и 14 Сибирских стрелковых дивизий. 17 Сибирский стрелковый полк категорически отказался от наступления и выставил лозунг: «Долой войну». Солдаты требовали введения ответственного министерства. 55 Сибирский полк отказался от наступления и вооруженной рукой препятствовал другим полкам наступать. Эти «декабристы» царствования Николая II жестоко поплатились за свою самоотверженную борьбу с царизмом. 97 человек были расстреляны по решению полевого суда, а несколько сотен сослано в каторгу» *).

Шедшие с фронта сообщения красноречиво говорят, что уже в первые месяцы мировой войны обнаружились признаки того гигантского развала и распада царской армии, которые так отчетливо выявились в 1917 году.

Мы приведем описание отступления III стрелкового корпуса через станцию Вержболово, которое нашли в письме командующего отдельным корпусом жандармов генерала Джунковского начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Янушкевичу (письмо от 1915 г. 13 февраля) **):

«Части 56 пехотной дивизии проходили через станцию вечером; в полном порядке шла лишь 56 артиллерийская бригада, потерявшая до того в бою всего лишь 8 орудий; офицеры артиллерийской бригады были на своих местах.

К сожалению, пехотные полки дивизии шли без должного порядка. Когда же на станции появилась неприятельская кавалерия, которой, по показанию присутствовавших, было всего 2 эскадрона, и они,

*) Рукопись Вацетиса, Рижская операция (из архива Военной академии РККА).

**) Военно-ученый архив, дело № 372, лист 76.

спешившись, открыли огонь, то в рядах 56 пехотной дивизии поднялась неописуемая паника.

Имеются указания, что первыми бежали офицеры, за ними бросились и солдаты, часть из них разбежалась по окрестным полям, другая же без всякого сопротивления сдалась; эта часть ничтожной горстью спешенных немцев (человек 40, преимущественно мальчишек) была загнана в зал III класса и там заперта до утра.

Знамена этих полков, повидимому, удалось увезти: так, позже по дороге в Кальварию были встречены два солдата, везшие на санках уже сорванное с древка полотнище знамени, кажется, Коротоякского полка; в Кальварию было привезено одним офицером и знамя Юхновского пехотного полка. Разбежавшиеся солдаты в полном беспорядке мелкими партиями брели к Кальварии; часть из них несла винтовки, другая—побросала не только винтовки, но даже вещевые мешки».

Жандармский генерал Джунковский делает следующий вывод:

«Вся картина бегства 56 дивизии из Вержболово свидетельствовала о совершенном расстройстве дивизии, видимо, деморализованной еще ранее».

К началу 1917 года потери царской армии убитыми, удушенными газами, раненными, контуженными, пропавшими без вести, попавшими в плен выражались в громадных цифрах—6 226 000 солдат и 66 000 офицеров*). Об этих колоссальных потерях прекрасно знала солдатская масса.

Достаточно почитать солдатские письма с фронта в 1915—1916 году, чтобы убедиться, как фрон-

---

*) Материалы и документы Центрархива — „Разложение армии в 1917 году", изд. ГИЗ, 1925 года.

товики жаждали «конца проклятой войны» и как быстро росло недоверие к офицерскому составу. Солдатская масса, видя свои неудачи и громадные потери, стала ясно сознавать, что помимо недостатка, оружия и снарядов *), благодаря которым войсковые части терпят неудачи, есть и другая причина. Эту причину войсковые массы нашли в ненужности войны, и росла ненависть солдатских масс к командному составу, гнавшему массы на убой в угоду помещикам и буржуазии.

Следующий документ вполне рисует настроение в полках: «Яд недоверия не только к умению, но и к добросовестности начальников настолько заразил армию, что лицу, хорошо знающему ее действительное настроение, трудно назвать даже 3-4 имени популярных и пользующихся доверием войск старших начальников...

В своей среде, в обществе, в вагоне, среди случайной публики открыто и громко офицеры заявляли, что начальники не любят своих войск, не жалеют их, смотрят на пехоту, лишь как на пушечное мясо, думают не о деле, а только о своей карьере, выгодах, собственной безопасности.

Обвиняют начальников уже не только в неспособности, а много хуже всего этого — в злой воле, недобросовестности, небрежности, преступности, отсутствии всякой заботливости о людской крови» **).

---

*) „Сухомлиновщина" (военный министр Сухомлинов) в 1915 г. было нарицательным словом в армии. Солдатская масса на своей крови испытала „порядки" в царском военном министерстве, когда в решительных боях 1915 года войсковые части оказались без патронов, винтовок, пулеметов и снарядов.

**) Военно-ученый архив, дело № 703.

Если так говорили офицеры о своих старших начальниках—генералах и полковниках,—то как же должны были говорить простые рядовые фронтовики, которые за такое состояние армии платились сотнями тысяч своих жизней?

Еще задолго до Февральской революции солдатские письма домой в деревню были наполнены такими фразами: «господи, как бы хотелось мира и скорее домой», или «уже слишком затянулось это грязное дело, и, несмотря, что истекает три года, конца не видно», или «какие новости у вас, что пишут газеты, пишут ли они насчет мира?» *). Так думали простые пехотинцы, сидевшие в окопах.

Но даже и для царских казаков, находившихся в неизмеримо лучших условиях и в своей массе «весьма добросовестных оборонцев», империалистическая война оказалась не чем иным как «убийством народа», и они с нетерпением ждали ее конца. Вот характерное письмо казака: «Войне краю не видно. Бог знает, когда кончится это у б и й с т в о н е с ч а с т н о г о л ю д а, надоело смотреть на эту губительницу народа. Бог знает, за что три года войны, а убийство все увеличивается, сколько сирот, вдов и калек, умирающих с голоду, а конца все нет да нет».

Как известно, весною 1917 года англо-французским командованием было решено после зимнего затишья начать общее наступление против Германии. В этом наступлении предполагалось участие

*) „Добросовестное оборончество и солдатская масса перед Февральской революцией", ст. М. Покровского, „Правда", март № 59/3591. Солдатские письма, приведенные в этой статье, были задержаны и не отправлены к месту назначения тогдашними цензорами, работавшими в царской армии, а потому они представляют собой действительное настроение солдатской массы.

и царской армии, которая должна была перейти в наступление на своих фронтах.

Накануне падения самодержавия царская армия против Германии и Австро-Венгрии имела укрепленный фронт, тянувшийся от Балтийского до Черного моря. Этот фронт был подразделен на

несколько отдельных фронтов с наименованием: Северный (XII, V, I армии); Западный (X, II, III); Юго-Западный (Особая армия, XI, VIII и VII); Румынский (IX, IV, VI)*).

*) Наименование армий здесь указывается в порядке их расположения с севера на юг. Скажем, XII армия — район Риги, V армия — район Двинска и т. д. (см. схему).

Численность царской армии, включая и Кавказский фронт, доходила до 6 000 000 ч. *).

Весь этот фронт представлял собою сплошную укрепленную полосу, изрытую окопами и ходами сообщения.

К началу 1917 года Антанта подвезла для царской армии различные технические средства для наступательных действий, которые приурочивались к началу весны.

Но если перед Февральской революцией царская армия была более или менее снабжена боевыми средствами (орудия, винтовки, снаряды, патроны и т. д.), то дело с продовольствием обстояло катастрофически. Полный развал транспорта поставил войска, находившиеся на фронте, в окопах, в невыносимо трудные условия.

В начале февраля на Северном фронте продовольственных запасов оставалось на два дня, на Западном перешли на консервы и сухарный паек, на Юго-Западном солдатам выдавали только по одной селедке в день, на Румынском положение было еще хуже.

Солдатам «злополучная чечевица» была еще с 1915—1916 гг. ненавистна, и если тогда они о ней говорили: «раньше кормить ею боялись даже лошадей, потому что от нее шерсть вылазит, а теперь и людей кормят», то теперь и чечевицы в окопах не хватало **).

---

*) К концу войны всего было призвано в армию более 15½ миллионов чел.

**) В глубоком тылу, конечно, были еще некоторые запасы (мука, мясо, жиры и т. д.), но их подвозить на фронт в силу полного расстройства транспорта удавалось с большими перебоями.

10 685

К общей усталости от войны, к моральному и физическому истощению плохо одетых и разутых рабоче-крестьянских масс царского фронта еще прибавился и голод. Дисциплина с каждым днем падала, невыполнение распоряжений офицерства стало заурядным явлением. Например, когда в III армии вместо сахара выдали деньги, на которые ничего нельзя было купить, начались беспорядки, которые были усмирены расстрелами. «Люди отказывались итти в атаку, одного ротного командира подняли на штыки»*). Приехавший в Петроград незадолго до свержения царского режима генерал Крымов заявил Родзянко, что «так дальше итти нельзя... В армии, в ее солдатском составе, растет недовольство и недоверие к офицерству вообще и к начальству в частности, и таким образом армия постепенно разлагается, и дисциплине грозит полный упадок... Армия втечение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения»**).

Как видим, состояние царской армии в феврале 1917 года было настолько плачевным и общий развал настолько очевидным, что думать о том, что такая армия может продолжать войну «до победного конца» было по меньшей мере смешным. Правда, «казенное благополучие» продолжало не сходить с газетных столбцов монархической и буржуазно-помещичьей прессы, но этим продажным писакам уже давно перестали верить не только рабоче-крестьянские массы, но и даже так называемая «передовая» либеральная буржуазия.

Не лучше, чем на фронте, обстояло дело и в глубоких резервах и запасных частях.

---

*) Зайончковский. Кампания 1917 г., изд. ГВИЗ, 1922 г., стр. 38.

**) „Архив русской революции", изд. Гессена, т. VI, стр. 43.

В связи с намечавшимся весной 1917 года наступлением, царское правительство осенью 1916 года призывает в армию несколько возрастов. Сорокатрехлетние бородачи-ратники, призванные под ружье, наполняют казарму тоской по земле и брошенной на нищету и разорение семье...

Запасные части перегружены.

Состав некоторых запасных полков доходил до 15—20 тысяч плохо одетых, живущих впроголодь, изнывающих от бестолковщины, которая была в царских казармах. И в этой казарме наглядно начинала чувствоваться вся беспомощность и растерянность самодержавного режима.

* * *

Царь и последний состав его правительства, набранный по «записочкам» Распутина *), окончательно сгнив на корню, как перышко, были сдунуты питерскими рабочими, которые действовали совместно с войсками гарнизона г. Петрограда.

27 февраля (по новому стилю 12 марта) трехсотлетнее иго романовского самодержавия перестало существовать. Создалось Временное правительство, выдвинутое буржуазией, и Совет рабочих и солдатских депутатов, который явился органом власти широких трудящихся масс.

Таким образом в первые же дни революции образовалось две власти. Тов. Ленин дает такую

*) Хотя казнокрад Распутин был убит в конце 1916 г., но министры, которых он „рекомендовал" царю, продолжали оставаться у власти. Между прочим, после смерти Распутина Николай II и его жена Александра Федоровна особенно бережно стали относиться к тем министрам и высшим чиновникам, которых „выдвинул" в свое время этот „святой старец".

характеристику первой власти, т. е. Временному правительству. «Это правительство—не случайное сборище лиц. Это представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит страной экономически... Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии» (Собрание сочинений, т. XIV, часть I, стр. 9—10). Меньшевики и социалисты-революционеры, имевшие в первые месяцы большинство в Совете рабочих и солдатских депутатов, открыто призывали рабочих и крестьян к поддержке буржуазии, и когда Временное правительство решило продолжать войну «до победного конца», меньшевики и эсеры всецело поддерживали его в этом, всемерно помогая последнему восстановить боеспособность армии для новых наступлений на фронте.

Временное правительство князя Львова-Гучкова и К° мало чем отличалось в своей политике от царского правительства, но и в т о р а я в л а с т ь—Совет рабочих и солдатских депутатов, наполненная меньшевиками и эсерами, также не была настоящей выразительницей того, чего и м е н н о желали широкие трудящиеся массы, стремившиеся к немедленному окончанию империалистической войны, к миру, к земле, к хлебу и к настоящей свободе.

«Первые результаты революции,—пишет т. Крыленко,—для командного состава были совершенно неожиданны. Они вылились в молчаливое, но тем не менее от одного к другому по цепи передававшееся *соглашение* всех расположенных по всей

тысячеверстной линии фронта солдат,—«не итти никоим образом в наступление».

Пассивный, молчаливый саботаж войны—таков был первый ответ, который дала крестьянская армия на известие о революции; «фронт держать, в наступление не итти»—таков был лозунг в феврале—марте многомиллионной солдатской массы в землянках»*).

Если сведения о свержении царского режима на позициях были приняты рядовыми фронтовиками с величайшей радостью («царь убег, царенок тоже»,—говорили солдаты), то распространившиеся слухи о том, что Временное правительство решило продолжать войну, заставляли громадное большинство солдатской массы насторожиться.

Буржуазно-кадетское правительство князя Львова, через своего военного министра Гучкова, решило показать всей армии, что оно давно было недовольно высшим командным составом армии и только революция мол дала возможность буржуазно-помещичьему правительству оздоровить, обновить старый генералитет и поднять боеспособность русских вооруженных сил для новой боевой страды **). Гучков увольняет шесть генералов, которые командовали армиями и фронтами (двое генералов—Каледин и Лечицкий—сами ушли), тридцать пять командиров корпусов ***) и многих начальников дивизий.

---

*) Н. Крыленко. „Февральская революция и царская армия", журнал „Пролетарская революция", № 2—3 (61—62), 1927 г.

**) Командование союзников на своем фронте решило перейти в наступление 8 апреля по новому стилю, и оно заблаговременно потребовало от Временного правительства содействия наступлением на русском фронте, которое, между прочим, было согласовано еще до февраля 1917 г.

***) Всего в это время в старой армии было 70 корпусов.

Верховным главнокомандующим был назначен бывший начальник штаба у Николая II генерал Алексеев. Несколько ранее вторая власть, а именно Совет рабочих и солдатских депутатов, отдала 1 марта по армии знаменитый приказ № 1. Приведем его полностью:

„По гарнизону Петроградского округа. Всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда—для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты *) из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы **) следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но в частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

*) Курсив везде наш — *Р. Э. и В. М.*

**) Председателем военной комиссии был Гучков, его заместителем генерал Потапов.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8) Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и в частности обращение к ним на „ты" воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Широкая солдатская масса, в частности фронтовики, встретила этот приказ с большим удовлетворением. На генералов и офицеров этот приказ произвел впечатление «неожиданно разорвавшейся бомбы».

Этот приказ вносил еще больший подрыв в на ладан дышавшую боеспособность старой армии, так как ставил под контроль солдат не только все войсковое имущество, но и весь офицерский состав. В этом отношении приказ № 1 следует признать совершенно разумной и своевременной мерой, направленной к закреплению февральского переворота внутри армии.

Вслед за Петроградским гарнизоном комитеты возникают во всех войсковых частях и управлениях армии и флота. В гарнизонах создаются Советы солдатских депутатов. К концу марта уже нет ни одной войсковой части, в которой не был бы создан солдатский или, чаще, солдатско-офицерский комитет (полковые, дивизионные и другие комитеты). Темная, забитая, неграмотная сол-

датская масса крестьянской армии оказалась неподготовленной для сознательного и активного участия в ходе политических событий. Этим, и только этим, можно объяснить то влияние, которое в первые месяцы Февральской революции приобрела в комитетах и советах интеллигенция и полуинтеллигенция из рядов мелкой буржуазии. Эти «вожди», как мы увидим дальше, старались сохранить равновесие между революцией, шедшей на полных парах к Октябрю, к пролетарской диктатуре, и буржуазией, которая становилась по мере развертывания революции все более и более контрреволюционной.

Буржуазия вынуждена была примириться с известной «демократизацией» царской армии, но признать солдатский контроль над офицерством не смогла. Кадетская печать подняла неистовый вой против приказа № 1. Все зло разложения армии она приписывала этому приказу.

Борьба классов, развивавшаяся в стране, неизбежно должна была найти мощный отклик в армии, составленной преимущественно из рабочих и крестьян, с ее командным составом из дворянства (генералитет) и буржуазии.

Солдатские массы, не доверявшие своему начальству из офицеров, в то же время еще прислушивались к голосу эсеро-меньшевистских вождей и, будучи политически безграмотными, не разбирались в их настоящей предательской роли в революции. Пассивное солдатское оборончество—«ни наступлений, ни отступлений»—вскрывает всю ту непреодолимую жажду мира, от которой задыхалась уставшая от войны старая армия. Что же касается офицерства, состоявшего преимущественно из рядов буржуазии и буржуазной интеллигенции, то

оно в своем подавляющем большинстве стояло за кадетский лозунг—продолжения войны «до победного конца».

Наконец помещичье-дворянский генералитет, прикрывшись видимым признанием Временного правительства и переворота, с первых же недель и дней «медового месяца» буржуазной революции под флагом борьбы за порядок и дисциплину выступил на борьбу с революционными настроениями в армии, понимая под «революционным порядком» и «революционной дисциплиной» восстановление царских уставов и прежнего уклада внутри армии.

Рост революционных настроений среди солдатских масс, однако, скоро показал неосуществимость этих генеральских мечтаний.

Сведения, начавшие поступать с фронта и из запасных частей, о том, что разложение и распад армии начали принимать большие размеры, заставили Временное правительство и меньшевистско-эсеровских вождей внести целый ряд разъяснений и поправок, которые бы ограничили «вольности» приказа № 1, но все эти попытки уже оказались безуспешными. Например, Керенский говорил, что он отдал бы 10 лет своей жизни, чтобы приказ № 1 не был опубликован.

9 марта новый верховный главнокомандующий (главковерх) генерал Алексеев писал Временному правительству *), что Балтийский флот не боеспособен **), что начался произвольный арест офи-

---

*) Военно-ученый архив, дело Ставки № 450.

**) Относительно состояния флота в 1917 году и процесса его разложения и распада в дальнейшем изложении мы говорим только вскользь, полагая, что этот большой и крайне интересный вопрос должен послужить предметом особого всестороннего исследования. — *Р. Э.* и *В. М.*

церов и начальствующих лиц, авторитет которых теперь совсем пал. «Разложение тыла армий идет быстрым темпом, волна разложения докатилась до окопов». Он писал, что при таких условиях «близок час», когда армии станут совершенно негодными к бою. Он просил правительство принять срочные меры, чтобы «вернуть доверие солдата к офицеру, прекратить травлю и унижение офицера», без которых не может быть восстановлена боеспособность армии.

В конце марта в Петроград приехал генерал Деникин. В своей книге «Очерки русской смуты» *) он так описывает свои впечатления:

«Четыре года я не видел Петрограда. Но теперь странное и тягостное чувство вызывала столица... Начиная с разгромленной гостиницы «Астория», где я остановился и где в вестибюле дежурил караул грубых и распущенных гвардейских матросов; улицы такие же суетливые, но грязные и переполненные новыми господами положения в защитных шинелях, далекими от боевой страды, углубляющими и спасающими революцию. От кого?..

Махровому монархисту генералу Деникину Петроград оказался крайне не по вкусу. Классовой ненавистью к «новым господам положения в защитных шинелях», т. е. к рабочим и крестьянским массам, дышит каждая строчка в его книге.

А вот что писали эти «защитные шинели» из 538 полка, как бы отвечая на вопрос разгневанного генерала:

«Вы ни в коем случае не уступайте буржуазному классу, ведь они могут быть в овечьей шкуре.

---

*) Том I, стр. 73.

Всецело контролировать их и просить комитеты итти рука об руку с Советом солдатских и рабочих депутатов. Милюковым и Гучковым нет доверия, это тот же капитализм, они на своем рубеже, а им охота остаться на нем, т. е. довести войну до победного конца в честь своей поживы. Мы хотим освободить все народы от позорного рабства. Довольно нам проливать море невинной крови за жизнь капиталистов. Ведь у одного Николая 60 000 000 десятин,—больше, как вся Германия; на содержание дома Романова в год—80 000 000 рублей, вот за это мы клали свою жизнь. Мы все, как один, хотим мира без аннексий и контрибуций, а не как хотят Милюковы. Им нужен Константинополь и проливы, чтобы набить свои карманы золотом, но мы этого не хотим. Мы не хотим больше проливать кровь, в наших руках ружья и наша свобода» *).

Поведение Временного правительства и поддерживавших его меньшевиков и эсеров заставило солдатскую массу быть начеку по отношению к меньшевистским и эсеровским вождям, все лицемерие которых так ярко изобразил тот же Деникин:

«Многие как-будто играли заученную роль на сцене жизни, обновленной дыханием революции...

Керенский—идеолог солдатских комитетов с трибуны, и Керенский—в своем вагоне, нервно бросающий адъютанту: «Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!»

Чхеидзе и Скобелев—в заседании с правительством и главнокомандующими, горячо отстаивающие полную демократизацию армии, и они же—

*) М. Покровский. Добросовестное оборончество и солдатская масса перед Февральской революцией. „Правда", март, № 59 (3591) 1927 года.

в перерыве заседания, в частном разговоре, за стаканом чая, признающие необходимость суровой военной дисциплины и свое бессилие провести ее идею через Совет».

Эта выдержка из книги Деникина говорит сама за себя. Ярый монархист, недовольный политикой Временного правительства, враг советов и комитетов и т. д., Деникин дал убийственную оценку «комитетчикам» из меньшевиков и эсеров.

Рабочие и крестьянские массы, одетые в «защитные шинели», не могли не почувствовать всего лицемерия, фальшивости, двурушничества, крючкотворства эсеро-меньшевистских заправил, засевших в советах и комитетах. Под соглашательским руководством советы и комитеты из «органов революционной демократии»» (излюбленный термин меньшевиков) грозили превратиться в подсобные органы буржуазии в ее борьбе с революцией и проводящих «революционную дисциплину» в армии царских генералов. Уже с конца марта из тех воинских частей, которые голосовали за эсеровские резолюции (эсеры благодаря делавшемуся ими упору на разрешение земельного вопроса пользовались в тот период еще значительным влиянием в армии), потянулись в революционный Петроград солдатские делегации в поисках «настоящей правды», как писали солдаты в своих письмах домой. Началась полоса своеобразных паломничеств: солдатские делегации ходили из комитета одной партии в партийный комитет другой, прислушивались, забирали литературу, жадно проглатывали все, что имело хотя какое-нибудь отношение к вопросам войны и земли...

Солдатская масса, часто голосовавшая за резолюции эсеров и меньшевиков о революционной

обороне (читай—продолжение войны), уставшая от войны, все больше начинала убеждаться в правдивости большевистского лозунга: «долой войну». Продолжавшийся развал хозяйства страны, приближение катастрофы транспорта, связывающего армию с тылом, питающим ее, при полной неспособности Временного правительства справиться с этими недочетами,—вот та обстановка, которая должна была разоблачить фразеров из меньшевиков и эсеров, нелепость и несостоятельность их крикливых лозунгов о «революционной обороне».

* * *

С приездом т. Ленина в Питер 3 апреля 1917 г. обстановка изменилась. Он сразу же развил бурную политическую и партийную деятельность, указав и разъяснив, какое огромное значение имеют для революции вопросы борьбы с Временным правительством и с засильем меньшевиков и эсеров в Совете рабочих и солдатских депутатов *).

*) Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов образовался 27 февраля 1917 г. (по типу Совета 1905 г., как известно, сыгравшего крупную роль во время первой русской революции). Первоначальный его состав насчитывал свыше 2 000 депутатов. Совет делился на две секции: рабочую и солдатскую, которые в первые месяцы революции 1917 года, как мы видели выше, находились под идейным влиянием меньшевиков и эсеров. Председателем Совета был избран Чхеидзе (лидер меньшевиков в Государственной думе, сторонник коалиции с буржуазией), товарищами председателя — Керенский (социал-патриот с начала войны 1914 г., эсер, трудовик, а вообще пустой „болтунишка", как определил его т. Ленин) и Скобелев (меньшевик). Членами Исполнительного комитета были Церетели (меньшевик), Ю. Стеклов (в то время занимал неясную, колеблющуюся позицию, примыкал к органу с.-д. интернационалистов „Новая

Редкий номер «Правды» стал выходить без статьи Ильича. В своих руководящих политических статьях он давал простые и четкие ответы по вопросам войны и мира. Он указывал, как действовать в данной обстановке членам большевистской партии, находившимся в окружении социал-предателей и буржуазной стихии. Тов. Ленин видел, что рабоче-крестьянские массы стремятся к разрешению первой и основной задачи—скорее окончить войну.

На этот «проклятый» вопрос, как можно кончить войну, Ленин давал прямой ответ трудящимся массам. Он говорил: «Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить «воткнув штык в землю», употребляя выражение одного солдата-«оборонца». Ленин беспрерывно разоблачает политику двурушничества и лицемерия Временного правительства князя Львова и компании, а также его «социалистических» помощников в лице Чхеидзе, Керенского, Дана, Церетели и других, которые, с первых же дней окончательно запутавшись в быстро развивающихся событиях и находясь в плену у буржуазии, продолжали затемнять сознание пролетарских и солдатских масс, давая на «проклятый»

жизнь", изд. М. Горьким), меньшевики — Дан, Суханов, Капелинский; от большевиков — А. Шляпников, П. Залуцкий, В. Молотов, несколько позднее — Л. Каменев, вернувшийся из ссылки. В провинции также быстро создавались советы. В конце марта на первом совещании советов Северной области и фронтовых комитетов представители были от 82 советов, которые объединяли 20 000 000 рабочих и солдат. По мере того как меньшевики и эсеры начинали терять доверие масс, Питерский совет путем перевыбора депутатов непрерывно изменял свое большинство, последнее в конце концов перешло к большевикам, которые стали играть руководящую и организующую роль в Совете (см. Ленин, т. XIV, часть II, стр. 467, примечание).

вопрос о конце войны такой ответ, который для рабоче-крестьянских масс был поистине проклятым.

Ленин говорил:

«Войну нельзя кончить «соглашением» социалистов разных стран, как предлагали меньшевики, или «выступлением» пролетариев всех стран, «волей» народов и т. п. Все фразы этого рода, наполняющие статьи оборонческих и полуоборонческих, полуинтернационалистских газет, а также бесчисленные резолюции, воззвания, манифесты, резолюции Совета рабочих и солдатских депутатов,—все эти фразы—не что иное как пустые, невинные, добренькие пожелания мелких буржуа. Нет ничего вреднее таких фраз о «выявлении народов к миру», о б о ч е р е д и революционных выступлений пролетариата (после русского «очередь» за германским) и т. п. Все это луиблановщина (т е. мелкобуржуазное соглашательство.—*Р. Э.* и *В. М.*), сладенькие мечты, игра в «политические компании», на деле повторение басни с котом-Васькой» *).

Такова ленинская предпосылка к ответу, а самый ответ заключается в двух фразах:

П е р в а я—Февральская революция есть начало превращения империалистической войны в войну гражданскую.

В т о р а я—переход государственной власти к другому классу, а именно к пролетариату, который свергнет власть капиталистической буржуазии и тем избавит человечество от ужасов войны.

10 апреля т. Ленин произнес речь на митинге в Измайловском полку. Он вскрыл перед солдатской массой всю сущность империалистической политики Временного правительства, всю его бур-

*) Собр. соч., том, XIV, ч. 1-я, стр. 45 — 46.

жуазно-капиталистическую природу и весь смысл соглашательской политики меньшевистско-эсеровских заправил, находившихся в Совете рабочих и солдатских депутатов.

Насколько мысли т. Ленина отвечали тогдашнему настроению масс, может показать тот факт, что после произнесения этой речи солдаты с криками «ура» вынесли т. Ленина на руках.

Надо иметь в виду, что в апреле 1917 г. Временное правительство, меньшевики и эсеры еще чувствовали под собой крепкую почву, а буржуазия еще справляла свой «медовый» месяц.

И вот, для того, чтобы еще дольше продлить свое торжество, буржуазия устами своего министра Милюкова объявила на весь мир, что захватническую царскую войну она будет продолжать до победоносного конца, что русская буржуазия и помещики будут дружно итти рука-об-руку, нога-в-ногу с англо-французскими империалистами.

Об этой ноте Временного правительства т. Ленин 21 апреля 1917 года писал:

«Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах.

Большинство Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, народники, меньшевики, все те, кто до сих пор призывал к доверию Временному правительству, наказаны вдосталь. Они надеялись, ждали и верили, что Временное правительство, под влиянием благодетельного «контакта» с Чхеидзе, Скобелевым и Стекловым, откажется навсегда от аннексий (т. е. захватов чужих земель.—*Р. Э.* и *В. М.*). Вышло немного не так...

В ноте от 18 апреля Временное правительство заявляет о «всенародном (!) стремлении довести мировую войну до решительной победы».

«Само собой разумеется,—прибавляет нота,—Временное правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников». Коротко и ясно. Война до решительной победы. Союз с английскими и французскими банкирами священен...

Кто заключал этот союз с «нашими» союзниками, т. е. с англо-французскими миллиардерами? Царь, Распутин, царская шайка, конечно. Но для Милюкова и К-о договор этот—святыня. Почему?..

Дело в том, что Гучков, Милюков, Терещенко, Коновалов—представители капиталистов. А капиталистам захваты чужих земель нужны. Они получают новые рынки, новые места вывоза капитала, новые возможности устраивать десятки тысяч своих сынков на прибыльные должности и т. п. Дело в том, что интересы русских капиталистов сейчас такие же, как интересы английских и французских капиталистов. Поэтому, и только поэтому договоры царя с англо-французскими капиталистами столь дороги сердцу Временного правительства русских капиталистов.

Новая нота Временного правительства подольет масла в огонь. Она может только разжечь воинственные настроения в Германии. Она помогает Вильгельму-разбойнику дальше обманывать «своих» рабочих и солдат и тянуть их на войну «до конца» *).

Дальше т. Ленин писал, что Временное правительство решило помогать всеми силами союзни-

*) Собр. соч., том, XIV, ч. 1-я, стр. 45 — 46.

кам, и если эта помощь потребует, чтобы уложить еще десяток миллионов русских мужиков, то в этом не беда. Только бы добиться буржуазии конечной победы с тем, чтобы еще и еще грабить.

«Умирайте десятками тысяч каждый день потому, что «мы» еще не додрались, потому, что мы еще не получили своей доли добычи!» Так, по словам Ленина, говорила о пролетариате и крестьянстве русская и иноземная буржуазия.

«Ни один сознательный рабочий, ни один сознательный солдат не поддержит более политики «доверия Временному правительству»,—говорит т. Ленин. И он указывал, что рабочие и солдаты должны громко сказать, что они признают только одну власть, а именно власть Советов рабочих и солдатских депутатов.

Следует подчеркнуть, что большевистская партия с первых же дней Февральской революции поставила вопрос об организации работы среди армии.

Уже в марте в Петрограде и Москве при наших партийных комитетах начинают развертывать свою работу военные организации.

Создаются организационные ячейки в воинских частях и учреждениях. Члены этих ячеек, держа тесную связь с пролетарскими районами, развивали агитацию в войсках, организовывали распространение газет, листовок и брошюр среди солдат гарнизона, которых буржуазия пичкала «Русским словом», «Ранним утром», «Русскими ведомостями» и другой литературой, наполненной криками о войне до победного конца, до полного сокрушения австро-германской армии. Основная задача большевистских военных организаций заключалась в том, чтобы как можно скорее вырвать армию из-под влияния буржуазных и мелкобуржуазных пар-

тий. В апреле по примеру Петрограда и Москвы создались большевистские военные организации и в других местах, как то: Рыбинске, Иваново-Вознесенске, Луганске, в Донбассе. В Финляндии и Кронштадте общепартийные организации в основном состояли из матросов и солдат. За исключением XII армии, на фронте в окопах в это время наши военные организации только что начинали намечаться.

Наиболее широко была развернута работа (апрель—май) в Питерской военной организации большевиков. Был устроен солдатский клуб «Правда», который «стал очень быстро излюбленным местом пребывания не только для солдат гарнизона, но сюда же стекались и бесчисленные представители фронта. Члены клуба и постоянные его посетители быстро усваивали основные положения большевистского учения, и особенно большевистской тактики того периода. И в свою очередь разносили эти лозунги партии по своим частям, привлекая все больше и больше новых сторонников» *).

Но постепенно наряду с развертыванием работы военных организаций большевистской партии в указанных выше городах мы начинаем развивать такую же работу в окопах и землянках на фронте.

Съезд депутатов армий Западного фронта, происходивший в апреле 1917 года в Минске **), был одним из первых больших толчков в работе по этому направлению.

---

*) Журнал „Война и революция", № 6, 1927 г., статья т. Рабиновича — „Работа большевиков в армии в 1917 году".

**) Журнал „Пролетарская революция", № 4 (63), 1927 года, статья т. Фомина об этом съезде.

На этом съезде немногочисленные представители нашей большевистской партии дали серьезный бой б о л ь ш и н с т в у съезда—социалистам-революционерам и меньшевикам. М. В. Фрунзе, будучи представителем большевистской части социал-демократической организации Минска, выдерживал жестокую борьбу с эсерами, которые стремились овладеть крестьянством в прифронтовой полосе и крестьянами-солдатами. М. В. Фрунзе и товарищи Могилевский, Кривошеин и другие вели усиленную агитацию среди солдатских масс Минска и его окрестностей и имели большой успех в воинских частях.

На этом съезде офицерство всеми силами стремилось посеять рознь между рабочими в тылу и солдатами-фронтовиками. Офицерство и эсеры выдвинули лозунг, что съездом должен руководить «солдат», а не рабочий. Но усилиями большевиков председателем съезда все-таки прошел большевик т. Позерн. На этот съезд приехал Родзянко, который призывал к защите «родины до победного конца» и меньшевики Чхеидзе и Церетелли, которые вторили ему.

Генерал Гурко хотел убедить делегатов съезда, что «армия сильна, когда она без политики». Выступление представителей нашей партии товарищей Ногина, Позерна, Лашевича и других имели значительный успех на съезде, но по целому ряду причин большинством съезда продолжали заправлять меньшевики и эсеры. История дала еще некоторое время, вернее, еще несколько месяцев повластвовать этим партиям, как бы давая им возможность испробовать все способы борьбы с большевистской партией, а затем окончательно обан-

кротиться и навсегда потерять всякий авторитет и способность существовать.

Рабоче-крестьянская солдатская масса на фронте и в тыловых частях еще была в своей значительной части опутана паутиной агитации буржуазных и мелкобуржуазных партий, и потребовалась новая кровь, пролитая в наступлении 18 июня, которое организовала буржуазия руками Керенского и К-о, чтобы солдатская масса окончательно порвала эту предательскую паутину.

Все мероприятия военного министра Гучкова ввести железную дисциплину в армию с тем, чтобы «спасти отечество» от австро-германцев и закончить «победоносно войну», окончились полным крахом. Не имея никакого доверия у солдатской массы и к тому же не имея авторитета у офицерства старой армии, 30 апреля Гучков ушел в отставку. Союзники продолжали напоминать, что пора уже русской армии подготовиться к наступлению...

* * *

Первого мая 1917 года в Могилеве (в ставке) было организовано совещание главнокомандующих *) под председательством главковерха генерала Алексеева.

На повестке фактически стояло два вопроса. Первый—состояние армии и возможность начать наступление, как этого требовали союзники, и второй—обсуждение декларации прав солдата-гражданина, о которой Временное правительство прежде чем ее объявить решило узнать мнение командующих фронтами.

---

*) Зайончковский. Кампания 1917 г., ч. VII. Высший военный редакционный совет, М., 1923 г. Протокол совещания главнокомандующих 1 мая 1917 г., стр. 133—151.

Протокол этого совещания дает полную фотографию состояния и настроений в старой армии к маю 1917 года.

Как по первому, так и по второму вопросам высказались все командующие фронтами.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов указал, что до марта хотя и было много «прорух», но все-таки положение было не столь тяжелое, как сейчас. Во время Пасхи на позициях развились братания с противником, «которые приняли повальный характер по всему фронту». Настроение солдат таково: «Немец ничего себе, человек недурной, воевать не хочет, в этом виноваты француз и англичанин. Наступать нам нечего, если объявлен мир без аннексий и контрибуций, то и не для чего нам и кровь проливать». Брусилов указывает на совсем «пропащий» 8-й Заамурский полк. Ему солдаты этого полка говорили так: «Зачем теперь мы будем умирать, нам дана свобода, обещана земля, зачем же мы будем калечиться: нам надо сохранить себя, и мы и семьи наши будут довольны. Нам нужен мир». Когда Брусилов стал доказывать, что это неправильный подход, что правительство требует наступлением закрепить свободу и т. д., солдаты на это ничего не стали возражать, но попросили разрешения принести их резолюцию. Брусилов согласился. Солдаты принесли и поставили большой красный плакат с надписью: «Долой войну, мир во что бы то ни стало».

Брусилов далее говорил, что правительство у солдат доверием не пользуется и на него они не надеются. Совет рабочих и солдатских депутатов для них все, и если кто начинает говорить против Советов, то вызывает этим у солдат раздражение и злобу. Начальники и офицеры для солдата «не

больше, как буржуи, так как стоят за Временное правительство». Далее Брусилов назвал целый ряд корпусов и дивизий, где распад и разложение достигли огромных размеров. В заключение он указывал, что боевых припасов достаточно, но с продовольствием и фуражом дело обстоит скверно.

«Фуража нет, от голода лошади дохнут, в походную кухню запрягаем вместо одной четыре лошади». По его словам армии Юго-Западного фронта в мае наступать не могут. Если не будет объявлена декларация прав, которая еще более усилит разложение армии, то, говорил он, «в первых числах июня рассчитываю на возможность наступления. За последнее я не отвечаю, но надеюсь».

Генерал Щербачев *) заявил, что уже сейчас союзники начинают считать русских изменниками, а поэтому данное «историческое заседание», где собралось «все высшее, что есть в армии», должно вынести свое веское решение.

Он сравнивал это заседание с «советом в Филях» **) и надеялся, что оно оправдает доверие и надежды союзников (т. е. англо-французского капитала).

Но когда Щербачев стал характеризовать состояние своих трех армий, то оказалось следующее: он объехал перед приездом в ставку все армии Румынского фронта и увидал, что «чем ближе к окопам, тем уверенность в возможность наступления исчезает. Хуже обстоят дела в IX армии, несколько лучше в IV и VI. Картина общего раз-

*) Он занимал должность помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта, должность главнокомандующего номинально числилась за румынским королем.

**) Этот совет заседал в местечке под Москвой под председательством Кутузова в войну 1812 г.

вала ясна. «Однако я не пессимист. Я не согласен с тем, что мы должны покорно относиться к событиям». Этот «бравый» генерал предлагал поехать всем к правительству с тем, чтобы просить последнее оказать генералитету помощь и т. д. Он выдвигал мысль, что следует послать телеграмму из ставки против Совета рабочих и солдатских депутатов. Но Брусилов заметил, что такой телеграммой «мы окажем правительству медвежью услугу».

Командующий Северным фронтом генерал Драгомиров указал, что «общее настроение армий— мир во что бы то ни стало». Братание на Пасхе достигло наибольшего развития, немцы ходили по окопам, наши же солдаты их прятали в своих убежищах. «Комитеты громили речами братающихся, но слова оставались словами». Боеспособность своих армий генерал Драгомиров определял так: «В войсках настроение паническое, каждый пролетевший снаряд заставляет людей в окопах шарахаться в сторону». Вывод он делал такой: «всякое понятие о народной гордости полетело в трубу», наступать сейчас нельзя, но не теряет еще надежды, в том что кризис пройдет и наступать будет можно.

Командующий Западным фронтом генерал Гурко выступил с более «бодрыми» мыслями.

Он заявлял, что его армии не так развалились, как у других. Он указал, что надо уметь во-время итти навстречу солдатам, уметь дать их революционным «парам выйти в отдушину». Так он и делает и уже имеет успех. Развивая эту мысль, продолжал:

«В IX армии было наоборот, в армии были запрещены красные знамена и банты, и думали, что этим армия окажется в руках начальников. Я же

тогда жалел, что закрывают пар и не дают ему выйти... То же самое и относительно Минского фронтового съезда. Не пошли сразу навстречу, его сделали рабочие. Но и этот съезд дал выйти парам.

Мои выступления на съезде, моя полуторачасовая беседа возражений не вызывали, и мне аплодировали».

Самым больным вопросом генерал Гурко считал вопрос об отношении солдат к офицерам. «Новое офицерство,—говорил он,—вышедшее из среды банщиков и приказчиков, восприняло от старого самые нехорошие стороны, именно недобросовестность».

Генерал Гурко был крайне недоволен увольнением сорокатрехлетних и отправкой в отпуск сорокалетних *).

В общем настроение у этого генерала было весьма наступательное. Но вот только одно его смущало—это вопрос продовольственный.

«Лошади—тени,—говорил Гурко»,—необходимо им травы и зелени. Затем вопрос продовольствия: необходимо хотя бы для ударных корпусов создать продовольственные запасы».

На этом же совещании он, как и Брусилов, и Алексеев, и другие, заявил, что если декларация

---

*) Призванные царизмом в последнюю очередь сорока- и сорокатрехлетние сильно волновались и требовали от Временного правительства немедленной демобилизации. Об этих запасных т. Крыленко пишет: „Призываемые на фронт, они, как правило, выдвигали всегда только одно требование — дать им новые портянки, обещая при этих условиях итти на фронт. Но, конечно, и при этих условиях они все равно в окопы не пошли бы, „портянки" были тут еще одним видом того же саботажа войны, который практиковала армия" (см. его ст. в журнале „Пролетарская революция", № 2—3 (61—62), 1927 г.).

прав будет объявлена, то он будет публично протестовать и уйдет в отставку.

Чтение декларации «Прав солдата» вызвало у всех взрыв негодования и возмущения. Например, когда Алексеев дошел до места, где декларация запрещала наложение офицерами наказаний, вредных для здоровья солдата, то он воскликнул: «Это такой абсурд, такая возмутительная клевета на офицерский состав!»

Из протоколов совещания не видно, как реагировали генералы, сидевшие в «могилевских Филях», на эту реплику Алексеева.

Совещание договорилось до того, что для разрешения целого ряда вопросов, связанных с состоянием армии и с вопросом нового наступления, все участники этого совещания 2 мая совершат поездку в Петроград к Временному правительству.

4 мая все командующие фронтами коллективно выступали в Петрограде против декларации прав солдата перед лицом представителей Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Это выступление на решение объявить декларацию не повлияло, и она была объявлена *). Командующие разъехались по своим штабам фронтов.

Союзники еще раз напомнили, что пора наступать... **).

---

*) Временное правительство в своем большинстве было против объявления декларации, но когда Совет рабочих и солдатских депутатов заявил, что он объявит ее только от своего имени, то Временному правительству пришлось уступить с тем, чтобы не создавать кризиса министерства. Такова природа двоевластия.

**) Для поднятия наступательного духа в это время приехал член французской социалистической партии, известный крайний социал-патриот А. Тома, который также разъезжал по фронту и агитировал за союзников.

* * *

6 мая вместо чисто буржуазного правительства князя Львова образовывается коалиционное министерство *). Портфель военного и морского министра получает Керенский. Начинается лихорадочная подготовка к активным действиям на фронте. Керенский переезжает из одной армии в другую, из одного корпуса в другой и ведет самую бешеную агитацию за общее наступление. Лицемерная революционная фраза потекла обильной рекой. Эсеро-меньшевистские советы и фронтовые комитеты всемерно помогали Керенскому.

Для того, чтобы приостановить продолжавшийся развал армии, Керенский приступил к формированию добровольческих ударных частей.

Наступил период какой-то вакханалии и непрерывного словоизлияния. «Наступать, наступать!»— кричал, где это только можно, Керенский, и ему вторило офицерство и сагитированные фронтовые, армейские, полковые комитеты, особенно Юго-Западного фронта. Другие же фронты были несколько спокойнее. Солдаты, же, находившиеся в окопах, к приезжающим «орателям», которые просто утопали в своем красноречии, относились не только безразлично и равнодушно, но и враждебно. Громадное большинство солдатской массы было

*) В это правительство коалиционного министерства на место некоторых ушедших кадетов пришли меньшевики и эсеры. Меньшевики получили следующие портфели: Церетели — министр почты и телеграфа, Скобелев — министр труда, эсер Чернов — министр земледелия, Керенский — военный и морской министр. Кадеты оставались только до 2 июля, затем ушли. 3 — 5 июля многотысячной демонстрацией рабочие и солдаты вышли на улицу с лозунгом: „Вся власть Советам".

как и прежде против всяких наступательных действий.

«Прошу военного министра,—писал генерал Алексеев,—разрешить вести широкую агитацию и вызов охотников в ударные батальоны среди запасных батальонов и полков Петрограда и ближайших окрестностей, равно Москвы, с тем, чтобы составляемые батальоны спешно отправлялись в ваше распоряжение для спайки и надежного обучения. Прошу адмирала Колчака *) отдать остатки—если они благонадежны—черноморской дивизии в ваше распоряжение. Неужели фронт, располагающий 900 000 человек, не может найти 1 или 2 процента тех праведников, ради которых можно пощадить всю грешную большую массу? Ведь 2 процента дадут 18 000 подготовленных лучше, чем могут дать запасные полки, флот, тем более совсем не обученные волонтеры. Просил бы сначала обратить внимание на честные элементы своего фронта, не рассчитывая широко на спасение извне **).

Эта телеграмма крайне характерна. Она явилась ответом на запрос Брусилова, который имея желание выполнить предписание Керенского начать подготовку к большому наступлению, не знал с какими людскими ресурсами он пойдет в атаку, так как «грешная большая масса» была определенно против всяких атак. На матросскую массу Черноморского флота надежда была весьма сомнительная. Спустя несколько дней Колчак доносил ***) Керенскому,

---

*) В это время Колчак командовал Черноморским флотом.

**) Телеграмма от 18 мая к командующему Юго-Западным фронтом генералу Брусилову. (Военно-ученый архив, дело № 811.)

***) Материалы Центрархива „Разложение армии в 1917 г.", стр. 92.

что Черноморский флот «охватила анархия», у офицеров отбирают оружие и некоторых из них уже арестовывают.

Для того чтобы оздоровить солдатскую массу, по мысли Керенского и К-о, необходимо было влить в нее новые, свежие силы.

Было сформировано учреждение с громким и длинным названием: «Всероссийский центральный комитет по организации добровольческой революционной армии», а это учреждение выделило из себя «Исполнительный комитет по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла». Чтобы показать, что данное учреждение «начало жить», оно выпустило воззвание, наполненное трескучими фразами, рассчитанными на одурачивание рабоче-крестьянских масс.

«Граждане! Настал час спасать отечество! Наша армия желает быть сильной (читатель видел выше, чего желала армия.—*Р. Э.* и *В. М.*). Она нуждается в вере, что весь русский свободный народ идет вместе с нею бороться за скорый мир всего мира. Вперед!

На германские баррикады! Там мир и наша свобода. Все, кому дороги судьбы родины, кому дороги великие идеалы братства народов, рабочие, солдаты, женщины *), юнкера, студенты, офицеры

*) Керенскому удалось набрать некоторое количество женщин (отряды Бочкаревой, Петровой и др.) в его ударные части. Появление женщин на фронте при тяжелом состоянии старой армии вызывало насмешки и издевательство над ними со стороны солдатской массы, перенесшей все ужасы империалистической бойни. Керенский хотел „устыдить“ солдат-фронтовиков тем, что мол даже женщины воюют, а вы боитесь и не идете наступать. Он приказывал посылать женские части на самые серьезные участки фронта. И конечно они все там гибли, не принося никакой пользы.

и чиновники идите к нам под красные знамена добровольческих батальонов» *).

Останавливаться на этом пустейшем наборе слов не приходится. Как и следовало ожидать, Керенскому не повезло с этими «добровольческими» батальонами. Их набралось весьма незначительное количество, несмотря на повсеместную бешеную агитацию.

Самым лучшим ответом на это воззвание будет следующая выдержка из письма солдат 359 полка:

«Так, что у нас про мир говорят, у нас миру не хотят офицеры и генералы, ну нехай еще побудем до 15 мая, если не будет, то мы пойдем самоправно».

А солдаты 537 полка как бы дополняли мысль своих товарищей по окопам. Вот их письмо:

«Если война эта скоро не кончится, то, кажется, будет плохая история. Когда же досыта напьются наши кровожадные, толстопузые буржуазы. И только пусть они посмеют еще войну затянуть на несколько времени, то мы уже пойдем на них с оружием в руках и тогда уже никому не дадим пощады. У нас вся армия просит и ждет мира, но вся проклятая буржуазия не хочет его нам дать и ждет того, чтобы мы их поголовно вырезали» **).

Таково было грозное настроение солдатской массы. В этих письмах уже слышится ленинский мотив о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Перед наступлением 18 июня произошла некоторая перегруппировка в лицах. Главковерхом был

*) Лефортовский архив, дело № 45, лист 86.

**) М. Покровский. Добросовестное оборончество и солдатская масса перед Февральской революцией.

назначен генерал Брусилов, а вскоре на место последнего, т. е. командующим армиями Юго-Западного фронта, был назначен генерал Корнилов, с комиссаром при нем известным эсером Савинковым.

И вот в эти-то дни, когда Временное правительство с Керенским во главе направляло все силы, чтобы спровоцировать старую армию на переход в наступление 18 июня (по старому стилю), в Петрограде во дворце Кшесинской собралась Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций Российской социал-демократической рабочей партии большевиков.

На эту конференцию съехалось со всех концов нашей страны более 125 делегатов, а всего участвовало вместе с петроградскими работниками 150—160 человек, которые представили собой 25 тысяч человек. Большая часть падала на фронтовые организации.

Основная масса делегатов, собравшихся на конференции, были солдаты.

Начиная с 16-го по 25 июня конференция проделала под руководством Центрального комитета партии большевиков, т.т. Ленина, Сталина и других, громадную работу.

Тов. Ленин сделал два больших доклада по текущему моменту (организация власти и Совет рабочих и солдатских депутатов) и по аграрному вопросу.

Были так же отдельно подробно освещены вопросы войны, мира, наступления (докладчик с фронта т. Крыленко и т. Розмирович), вопрос о форме и задачах военных организаций (докладчики т.т. Подвойский, Невский) и другие.

Доклады с мест внесли новую живую струю в работу этой конференции. Эти доклады с мест

дали большевистской партии возможность более подробно разобраться в вопросе о состоянии старой армии на фронте и в тылу и о той работе, которую вели большевистские ячейки в самой гуще солдатской массы.

Был совершенно четко выявлен вопрос об отношении солдат к нашим печатным органам, как то: газетам «Правда», «Солдатская Правда», «Окопная Правда» и другим. Делегаты с мест указывали, что эти газеты солдатами берутся нарасхват, но, к сожалению, они частенько сильно запаздывают с прибытием к месту назначения, причем соглашательские комитеты всемерно тормозят их распространение. К буржуазным и меньшевистско-эсеровским листовкам, газетам и брошюрам (которые сотнями тысяч посылались на фронт) отношение солдат становится все более недоверчивым и резко критическим.

Делегат конференции т. Аросев так описывает свои впечатления:

«С самых первых дней, как только стало известно в местных военных организациях о предстоящей конференции, там началось оживление. Оно усилилось особенно в последние дни, потому что дни, в которые собирается конференция,—дни совершенно исключительные, боевые, решительные. Конференция общепартийная собралась тоже в момент политического перелома, но тогда, когда этот перелом уже заканчивался. Наша же военная конференция собирается в тот момент, когда вся российская политическая жизнь делает поворот. Поэтому среди конферентов непрерывно идут споры и разговоры о предстоящей демонстрации 18 июня, о переходе власти из рук Временного правительства в руки Совета рабочих и солдатских депута-

тов. Из частных бесед видно, что товарищи конференты думают, что лучшие силы агитаторов, какие есть на конференции, надо немедленно пустить в ход, на агитацию в казармы... Отовсюду слышатся голоса товарищей солдат, что настало время решительной схватки за власть, что насилия со стороны Временного правительства вызывают явное возмущение целых воинских частей и смешно говорить о том, чтобы репрессиями, расформированиями, каторгой и смертной казнью можно было вдохнуть в солдат волю для захватнического наступления. Тот рост социал-демократических организаций, который наблюдался за последнее время, и та волна возмущения, которая подымается все выше и выше, вливают силу и бодрость в сердца съехавшихся товарищей, вливают жажду и сильную волю к последнему напряжению великой борьбы.

Товарищи конференты знакомятся, крепко пожимают друг другу руки, зачастую встречаются старые товарищи по прежней работе или по ссылке. Многие с любопытством осматривают дворец знаменитой балерины Кшесинской (здесь находились все центральные органы большевистской партии, здесь же и происходила конференция), спрашивают: «А что вон там, напротив этого дворца?» А там Петропавловка, в которой сидят царские министры. И уверенность в победе растет. Красный флаг на дворце, солдаты внутри дворца— все признаки того, что победа грядет, что мы творцы борьбы и победы. Воля и интерес к работе конференции очень большие: товарищи стараются не опаздывать, с интересом и очень активно слушают доклады товарищей с мест, особенно с фронта».

18 июня по почину Центрального комитета большевиков на улицы Петрограда вышло 400 000 рабочих и солдат. 90% плакатов и знамен были с лозунгами большевиков—«Вся власть советам, долой министров-капиталистов», но на меньшевистско-эсеровских знаменах попрежнему красовалось: «Доверие Временному правительству». Эти несколько знамен и плакатов потонули в большевистских лозунгах, которые несли рабоче-крестьянские массы, еще раз говоря, что они все за революцию и против соглашателей.

В этой демонстрации 18 июня принял участие весь состав конференции.

«Вид сотен тысяч рабочих и солдат, шествующих с большевистскими лозунгами, еще более укрепил веру участников конференции в силу партии. С тем большим нетерпением ожидался доклад т. Ленина, специально посвященный текущему моменту и такому важному вопросу, как организация власти».

Резолюция конференции по текущему моменту четко указала, что попытка соглашения демократических и якобы социалистических революционеров с буржуазно-капиталистическими партиями позорно провалилась. А провал этот заключался в том, что меньшевистско-эсеровские вожди полностью подпали под влияние буржуазии. Например, буржуазия и ее министры всеми мерами стремились не допустить, чтобы крестьяне отбирали землю у помещиков,—меньшевики и эсеры помогали в этом буржуазии и вели разлагающую агитацию среди крестьянства. Англо-французский империализм требовал себе помощи со стороны русской буржуазии, требовал нового наступления,—меньшевики и эсеры вместе с буржуазией агитировали среди солдат и населения

за это наступление и т. д. Резолюция требовала продолжать самую энергичную агитацию против империалистической войны, не допускать, чтобы буржуазия с соглашателями, найдя удобный момент и предлог для разоружения рабочих, тем самым обезоружила революционные полки Петрограда, Москвы и других городов, и всеми силами готовить пролетариат и революционную армию к новому этапу революции—к захвату власти пролетариатом с помощью и при поддержке беднейшего крестьянства. Такова была задача.

В резолюции о войне, мире и наступлении конференция еще раз подчеркнула, что раз власть находится в руках буржуазии и соглашателей, которые работают рука-об-руку с англо-французским капиталом, то империалистическая война будет продолжаться. Конференция против наступления и за мир. Но прекращение грабительской войны будет возможно лишь тогда, когда власть от буржуазии перейдет к пролетариату.

Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) принесла громадную пользу тем товарищам с мест, которые на ней участвовали. С новыми силами, с новой энергией и бодростью, с новыми задачами и указаниями, как их разрешить, с новыми впечатлениями о политической жизни Питера и той роли, которую в этой жизни начинали играть рабочие и солдатские массы столицы, разъехались делегаты.

А с приездом на места у делегатов закипела работа по агитации среди солдатской массы и по созданию новых партийных ячеек во фронтовых и тыловых военных организациях, с основной целью как можно скорее добиться, чтобы фронт догнал питерских революционных рабочих и солдат.

* * *

Июньское наступление на Юго-Западном фронте, организованное министром-«социалистом» Керенским, явилось не чем иным, как желанием меньшевистско-эсеровского и кадетского правительства сохранить и закрепить за собой государственную власть в стране. Временное правительство стремилось через это наступление не только выдержать боевой экзамен на фронте империалистической войны, но и показать всему миру, что русская буржуазия и помещики имеют крепкую силу в старой армии, которая доблестно выполнит то, что ей будет приказано буржуазией.

В военном отношении план наступления был разработан по указанию союзников еще до Февральской революции, т. е. царским правительством.

По этому плану основной удар предполагалось нанести армиями Юго-Западного фронта, причем Северный и Западный фронты активными действиями должны были содействовать наступлению Юго-Западного фронта.

Наступление начали XI и VII армии, имевшие своей задачей на этих фронтах развить удар в Львовском направлении. Их действия были мало удачны: за время с 18 по 23 июня (по старому стилю) XI и VII армии имели лишь небольшие местные успехи (прорыв первой линии австрийских укреплений), и тем был исчерпан весь искусственно раздутый порыв войск. 23 июня началось наступление VIII армии, в первый же день прорвавшей все расположение противника, захватившей около 7 000 пленных и 48 орудий. 27 июня VIII армия заняла г. Галич, а 28 г. Калущ. Однако около 1 и 2 июля наступательный порыв

этой армии также оказался исчерпанным. Потери трех наступавших армий выражаются примерно в 14% всего личного состава (около 40 000).

6 июля австро-германцы сами перешли в наступление против левого фланга XI армии и, прорвав его, почти беспрепятственно развили дальнейший удар в юго-восточном направлении. XI армия, откатываясь, постепенно увлекла за собой в общее отступление VII и VIII армии. Наступательный порыв и успехи, разрекламированные Керенским и буржуазной прессой, сменились небывалой паникой, охватившей целые армии. Появление отдельных эскадронов и незначительных частей австро-германских войск обращало в паническое бегство целые дивизии и корпуса старой армии...

11 июля противник занял Тарнополь.

Армии Юго-Западного фронта приостанавливают бегство лишь 15 июля, в то время как противник фактически приостановил свое преследование уже 13 июля.

«Армия обезумевших, темных людей бежит»,— доносил Керенскому генерал Корнилов.

Так кончилось «знаменитое» наступление Керенского на Юго-Западном фронте, погубившее многие тысячи солдат. Непосильное перенапряжение сил больного организма старой армии, потребованное этим наступлением, имело один основной результат—ускорение дальнейшего развала и распада всего фронта.

Попытки организовать наступление на Северном и Западном фронтах ни к чему не привели. На этих фронтах дезертирство стало развиваться, как и на Юго-Западном фронте, в громадных размерах.

Старая армия зашла в тупик, в котором разложение и распад начали итти гигантскими ша-

гами. Но это еще не хотели замечать Временное правительство Керенского (князь Львов 8 июля ушел в отставку, место председателя Совета министров занял Керенский, оставив за собой пост военного министра) и поддерживающий его меньшевистско-эсеровский Совет рабочих и солдатских депутатов. Эти два правительства предполагали еще раз попытаться восстановить боеспособность старой армии, с тем, чтобы еще разок послать ее в наступление.

В ответ на этот замысел Временного правительства, в ответ на желание правительства вывести революционно настроенные части из Петрограда на фронт, в ответ на преступное наступление 18 июня с его последствиями в виде громадных жертв и т. д. рабочие, солдатские и матросские массы 4 июля вышли на улицы Петрограда. В этой грандиозной демонстрации участвовало более 500 000 рабочих, солдат и матросов, приехавших из Кронштадта.

Еще 3 июля первый пулеметный полк прислал своих делегатов на общегородскую конференцию большевиков просить последнюю оказать поддержку их выступлению. Но партия считала движение преждевременным. Вечером к бывшему дворцу Кшесинской подошли два полка, а затем рабочая организация с красными плакатами, на которых было написано: «Вся власть советам». Центральный комитет большевистской партии, учитывая настроение пролетарских масс, революционных солдат и матросов и желая избежать неорганизованных и стихийных выступлений, дал лозунг—мирной демонстрации.

Не имея сил и возможности остановить это движение, кадеты, меньшевики и эсеры пошли на про-

вокацию. Надо было как-нибудь сорвать полумиллионную, хорошо организованную политическую демонстрацию пролетарских и солдатских масс.

Колонны демонстрантов двигались в полном порядке к Таврическому дворцу с лозунгами «Вся власть советам». Но вот на углу Невского проспекта и Садовой улицы послышались выстрелы. Началась перестрелка с двух сторон....

Порядок движения был нарушен.

У Временного правительства теперь руки развязались. Керенский приказал арестовать Ленина. По его же распоряжению 5 июля прибыли новые части, снятые с фронта. Эти войска вместе с юнкерами подавили движение. Меньшевистско-эсеровский Совет постановил разоружить революционных солдат и рабочих.

Начались обыски, разгромы, аресты.

Большевистские печатные органы «Правда», «Окопная Правда» и другие были запрещены к распространению. Были сфабрикованы буржуазной контрразведкой фальшивые документы о том, что все действия Ленина и большевистской партии происходят по поручению германского генерального штаба. Для того чтобы этой злостной провокации поверили, известный политический негодяй меньшевик Алексинский подписывает эти документы.

Тов. Ленину пришлось скрываться от всюду рыскающих юнкеров Керенского. Большевистская партия принуждена была временно уйти в подполье, откуда и руководила работой.

* * *

Громадный интерес представляет собой секретное совещание 16 июля 1917 года в ставке под

председательством Керенского *). На этом совещании присутствовал почти весь главный генералитет старой армии (верховный главнокомандующий Брусилов, Алексеев, Рузский, Клембовский, Деникин, Марков и др.), а также министр иностранных дел Терещенко и комиссар Юго-Западного фронта Савинков. Основными докладчиками о состоянии армии были командующий Северным фронтом генерал Клембовский и командующий Западным фронтом генерал Деникин. Это совещание стремилось после неудачного наступления 18 июня опять найти пути к восстановлению боеспособности армии для нового наступления, а также уточнить те материальные средства, которые будет просить Временное правительство у союзников для того, чтобы новое наступление было более решительным и дало бы иные результаты, чем наступление 18 июня.

Мы приведем здесь наиболее характерные места из протокола этого знаменательного совещания, продолжавшегося шесть часов. Оно интересно еще тем, что правдиво вскрывает обстановку в старой армии перед, во время и после тарнопольской катастрофы.

Заседание открыл Керенский, который сказал, что он приехал выслушать от лиц, опытных в военном деле, объективные выводы о состоянии армии в данное время.

«Считаю своим моральным и нравственным долгом выразить глубокую уверенность, что мы объединены единой мыслью спасти родину и не отдать

---

*) Зайончковский. Кампания 1917 г., изд. ВВРС, М. 1923, стр. 151 — 188 (протоколы).

завоевания...»—говорил он, рассчитывая, что собравшиеся генералы откроют новый верный путь к «войне до победоносного конца». Но он глубоко ошибся.

Первым говорил верховный главнокомандующий генерал Брусилов, который указал, что, несмотря на неоднократные поездки на фронт Керенского, который много помог делу наступления, объясняя войскам его необходимость, все же это наступление не удалось. Боеспособность и дисциплина пали. Офицеры потеряли почти всякую власть, «надо было обратиться к агитаторам Совета рабочих и солдатских депутатов, комиссары также работали, и работа их имела хорошие последствия. Наконец армейские комитеты проявили усиленную и плодотворную деятельность, многие из них даже ходили с войсками в атаку и проливали кровь», но дисциплина от всего этого не повысилась, а понизилась.

«Прежнюю дисциплину полностью восстановить нельзя, и теперь желательно обсудить меры, которые могли бы поднять дисциплину и авторитет начальников и сделать войска послушными. Ведь теперь надо сутки и более, чтобы уговорить части итти выручать товарищей. Во время последних боев войска торговались, митинговали целыми сутками и иногда выносили решения не итти на помощь соседним частям. В результате—полная неудача. Без всяких разговоров, при малейшем нажиме противника дивизии разбегались, не слушая ни уговоров, ни угроз. Все это происходит оттого, что начальники, от ротного командира до главнокомандующего, не имеют власти».

«Работа комитетов и комиссаров не удалась, так как они заменить начальников не могут»,—такой делает вывод генерал Брусилов, рассчитывая на

то, что если бы офицеры получили власть, то солдаты стали бы «послушными», забывая простую вещь, что дисциплина не может делаться приказами тех, кто уже потерял всякий авторитет в глазах массы.

Вторым говорил генерал Деникин *), как командующий Западным фронтом.

«Я застал Западный фронт в полном развале. Войска до некоторой степени были послушны, пока образ наших действий был пассивный, но как только потребовалось от войск проявить активность, развал обнаруживался в полной силе».

Далее он останавливается на том, в каких условиях приходилось заставлять его армии перейти в наступление.

Три недели потребовалось, чтобы развернуть X армию, причем 48 батальонов совершенно отказались итти в бой.

Была составлена ударная группа из трех корпусов, так вот «один из ударных корпусов развернулся, другой разворачивался две-три недели, третий совсем не развернулся». Когда приехал Керенский, говорил Деникин, которого войска встретили хорошо, они обещали, что пойдут в наступление, когда же он уехал, то на станцию явились депутаты и сообщили, что после отъезда министра полки вынесли резолюцию не наступать.

Деникин приводил случаи смещения солдатами своих начальников. Таких случаев на его участке фронта к моменту совещания набралось шестьдесят. Перед наступлением армии Западного фрон-

*) Деникин сменил в конце мая генерала Гурко, которого уволил Керенский за протест против опубликования декларации прав солдата-гражданина.

та (которые должны были наступать почти одновременно с Юго-Западным и Северным фронтами) было сосредоточено громадное превосходство над силами противника, т. е. на девятнадцативерстном участке фронта было собрано 184 батальона и 900 орудий, в то время как у противника было здесь 17 батальонов и 300 орудий.

«Части двинулись в атаку,—говорил Деникин,—прошли церемониальным маршем две-три линии окопов противника, побывали на батареях его, принесли прицелы с орудий противника и... вернулись в свои окопы».

Противник перешел в контр-наступление.

При отходе наши войска понесли большие потери, так например через армейские приемники прошло 10 000 раненых, через фронтовые—20 000. Из них тяжело раненых было $2^1/_2$ тысячи, с пальцами—$7^1/_2$ тысяч и прочих ранений, характер коих не был установлен, 10 000.

Не безынтересно послушать, что говорил этот махровый генерал о том, кто являлся главным виновником в развале армии.

«Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю. Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени, люди, не понимающие быта и условий существования армии. Вначале это был гнет Совета рабочих и солдатских депутатов, бывшего в то время учреждением анархическим. Потом—роковые ошибки».

На этот раз Деникин был прав: не большевизм разрушил армию. Основной смысл «роковых ошибок» заключался в том, что рабоче-крестьянские массы, одетые в шинели, воевать не хотели, и заставить их повиноваться воле генералов и офи-

церов уже не могла никакая сила. Бросить поскорее фронт—было страстным желанием солдата, так как он понял, что защищать на этом фронте ему нечего. За интересы же буржуазии и помещиков масса драться не желала.

Большевики, говорившие о скорейшем конце войны и преступности всяких наступлений, имели громадный успех в армии, так как то, что говорила большевистская партия, было тем, о чем говорила и чего жаждала сама рабоче-крестьянская солдатская масса.

Для «возрождения» армии Деникин на этом совещании предложил целый ряд мер, в основном сводившихся к следующему:

1) устранение революционного Петрограда от военного руководства и передача всей власти верховному главнокомандующему;

2) изъятие из армии политики;

3) упразднение комиссаров и комитетов;

4) создание отборных частей как опоры власти офицерам, так и на случай необходимости применения вооруженной силы против неповинующихся;

5) введение смертной казни не только на фронте, но и в тылу, где расположены пополнения.

То, что предлагал генерал Деникин, вполне понятно и разъяснений не требует. Связь с Корниловым у него была хорошая, и он знал, какие требования выставит Корнилов. Для генерала Деникина и его соратников было важно, чтобы во главе армии встал человек, который не станет церемониться. Спустя три дня после этого совещания так и случилось. Вместо Брусилова верховным главнокомандующим был назначен именно генерал Корнилов.

«Есть и другой путь,—закончил свою речь Деникин,—путь предательства, измены нашим союзникам».

В протоколе совещания далее написано, что в сильном волнении генерал Деникин просил Керенского разрешить ему выйти на некоторое время. Керенский крепко пожал руку генералу Деникину и благодарил его за откровенно и правдиво выраженное мнение.

После Деникина выступил командующий Северным фронтом генерал Клембовский.

«Северный фронт находится в состоянии разложения», говорил последний.

В районе Риги развал XII армии достиг крайней степени, «братание идет во-всю», попытки офицеров прекращать братание оканчиваются неудачей, «если применяются против братающихся пулеметы, то толпы солдат набрасываются на них и приводят пулеметы в негодность». Он говорил, что ни одно приказание начальников не исполняется. Жители г. Риги по праздникам уезжают в глубокий тыл немцев на балы, проводят там ночь и к утру возвращаются обратно, причем наше сторожевое охранение беспрепятственно их пропускает.

Все проекты по наступлению «становятся известными противнику». Генералу Клембовскому сперва казалось странным, почему солдаты сгущенно не желают занимать позиций. Например, командование приказывает данный участок занять двумя полками. Солдаты отвечают: «Если пошлете один полк, то пойдем, если пошлете два полка, не пойдем».

Когда Клембовский стал искать ключ к разгадке этого явления, то увидел, что «в психологии солдат всякое сгущение войск знаменует собой стремление к наступлению, которого они не желают».

«Развал достиг,—говорил он,—такой высокой степени, что когда было решено наступать V армией, XII армия должна была демонстративными действиями и огнем отвлечь внимание противника. Однако командующий армией донес, что открывать артиллерийский огонь он не решается, так как солдаты этого не допускают.

Даже река Двина не препятствовала братанию, так как солдаты переплывали ее на лодках».

Клембовский жаловался совещанию, что поддерживающий два издания большевистского направления Исполнительный комитет латышских бригад (Искострел) не дает работать более смирному и послушному Искосолу (армейский Исполнительный комитет). А когда последний начинает уговаривать солдат перейти в наступление или призывает к поднятию дисциплины, то Искострел посредством «жестоких» мер физического воздействия заставляет Искосол замолчать.

Клембовский дал несколько фактов, которые вполне ясно, по его мнению, говорят о полном развале армий, входящих в его фронт.

Он говорил, что Сухиничский полк вынес резолюцию о законности братания. Этот полк, по его словам, имеет уже «четырнадцать преступлений», из которых помимо этой резолюции о братании—удар камнем в лицо командиру полка, нанесение побоев офицерам, разнос провиантских складов и т. д.

Когда I кавалерийская дивизия была «приведена в порядок» и когда она проходила мимо пехоты, то последняя вслед ей кричала: «Жандармы, фараоны!» Запасные части Северного фронта также в полном развале.

Когда комитеты начинали агитировать и заставлять солдат привести себя в порядок, то по адресу «таких комитетов» приходилось слышать: «В штыки вас всех, это вам будет дело!»

Генерал Клембовский считал величайшим злом не только отмену отдания чести, которое узаконил приказ № 1, но также и декларацию прав солдата-гражданина.

Хотя он полностью и присоединился к тем мерам, которые выставил Деникин, но его брало сомнение относительно введения смертной казни.

«Смертная казнь?—говорил он,—но разве можно казнить целые дивизии? Предавать суду? Но тогда половина армии окажется в Сибири. Солдат каторгой не испугаешь. На каторгу? Так что же? «Через пять лет вернусь,—говорят они,—по крайней мере, цел буду». Как видите,—заключает Клембовский,—все на почве шкурного вопроса».

Клембовский требовал, чтобы Временное правительство Керенского выработало исключительные меры против солдат, так как «офицеры сейчас—единственный оплот свободы и революции». Он считал, что просто невозможно работать над восстановлением боеспособности армии, коль «я получаю сплошь да рядом анонимы с вырезанными из журналов моими фотографиями, с проколотыми глазами и соответствующими угрозами».

На совещании не присутствовали командующий Румынским фронтом генерал Щербачев и командующий Юго-Западным фронтом генерал Корнилов. Но они прислали свои требования. Требования генерала Корнилова сходятся с теми мероприятиями, которые высказал и предложил Деникин, но Корнилов сделал к ним ряд добавлений, сводящихся к тому, что:

1) комитетам под угрозой суровой кары запрещается вмешиваться в вопросы разработки операций;

2) запретить митинги и собрания во всех войсковых частях и учреждениях;

3) воспретить ввоз и распространение в районе расположения армии литературы и газет большевистского направления;

4) воспретить въезд в район расположения армии всякого рода делегаций, депутаций и агитаторов без предварительного разрешения соответствующих военных властей.

После генерала Клембовского выступил комиссар Юго-Западного фронта эсер Савинков.

Он говорил, что хотя положение и трудное, но не безнадежное. Он верит, что рядом мер армия будет приведена в такое состояние, что будет «не хуже царской». Дисциплина будет восстановлена, литература большевистского содержания изъята.

Приказ № 1 он считает преступлением тех, кто его писал и издал. Введение смертной казни, по его словам, необходимо и т. д.

В прениях высказывались все присутствовавшие на совещании. Генерал Алексеев полностью присоединился к требованиям Деникина и Корнилова.

Министр иностранных дел Терещенко указал, что несмотря на то, что наступление 18 июня было неудачно, все же союзники очень довольны. Они верят, что Временное правительство будет им помогать, как прежде, активными действиями на фронте.

В заключение он задал прямой вопрос совещанию, когда можно рассчитывать на новое общее наступление на фронте.

Ответ был следующий: «Подготовиться к наступлению мы можем не раньше будущей зимы. Даже, вернее, не раньше весны». (Брусилов.)

Это июльское совещание генералов наглядно вскрыло все движение и оформление контрреволюции, которая происходила в армии. Под ширмой борьбы за революционный порядок помещичье-буржуазная контрреволюция готовилась к удушению революции. А опереточный премьер-министр из «социалистов» Керенский должен был освятить революционной фразой «благое начало», восстановление «смертной казни на время войны для военнослужащих за некоторые тягчайшие преступления» *).

Еще с мая Временное правительство последовательно, но весьма осторожно стало вводить в армии институт комиссаров при старшем и высшем командовании. Задачи этого института не были достаточно четко определены, но по своей форме институт комиссаров не мог рассматриваться иначе, как контроль Временного правительства над генералитетом. На деле же комиссары Временного правительства, набираемые преимущественно из членов социал-соглашательских партий, превращаются в помощников высшего командования, основная задача которых—содействовать восстановлению в армии власти и авторитета командного состава и вести борьбу с большевистской «крамолой».

Этим можно объяснить то обстоятельство, что комиссары не смогли распространить в армии своего влияния за пределы соглашательских комитетов. (В своей книге «Очерк русской смуты» Деникин

---

*) Из текста постановления Временного правительства о введении военно-революционных судов. Июль 1917 года.

правильно указывает, что солдатская масса рассматривала комиссарский институт, как «орган принуждения, а иногда усмирения».) С другой стороны, и генералитет отнесся к комиссарскому институту недоверчиво (все же «социалисты»!) и шел на сотрудничество с ним только в той мере, в какой ему было выгодно, а именно в борьбе с «вредными большевистскими элементами», которые уже имели в армии авторитет и силу.

В то время как эсеры и меньшевики во главе со словоохотливым премьер-министром исступленно агитировали за наступление, за «послушание революционного солдата революционному офицеру», за «восстановление революционного порядка в армии», буржуазия не теряла времени. Окопы забрасывались кадетскими газетами, листовками. Основным содержанием их было науськивáнье солдатской массы фронта на тыл, т. е. на рабочих и в первую голову на рабочих революционного Петрограда. «Рабочие не хотят работать!» «Запасные части не хотят сменить вас в окопах!»—кричала буржуазия.

Такие организации, как Союз георгиевских кавалеров, Союз офицеров армии и флота, Союз казачьих войск в своем руководящем составе стали открыто контрреволюционными. Если ко всему этому прибавить характер формируемых ударных частей и женских батальонов и национальных частей (украинцы, поляки, чехо-словаки), организуемых национальной буржуазией *), разоружение карательными экспедициями Керенского революционных гарнизонов (например, в Иркутске, Нижнем-Новгороде), то

*) Следует указать, что латышские части на русском фронте с первых дней Февральской революции составили опору большевистской организации. 17 мая ими была вынесена резолюция о принятии апрельских тезисов т. Ленина.

станет ясным своеобразное развитие контрреволюционных сил в армии.

Но насколько развились силы контрреволюции, настолько быстро крепли силы революции и возрастала большевизация солдатских масс.

Посыпались солдатские письма с фронта. «Нас уверяют,—говорили солдаты,—что надо разбить германскую армию, а потом—мир. Правда ли это?».

В ответ на запрещения распространять большевистскую литературу фронтовики засыпали письмами наши партийные комитеты. «Мы читаем только буржуазную прессу,—писали солдаты,—к нам приезжают только кадетские ораторы. Всюду сеется рознь между солдатами и рабочими. Товарищи, посылайте литературу, посылайте своих представителей с требованием посылать делегатов от каждой части в тыловые организации. Устанавливайте тесную связь с нами, иначе делу свободы грозит величайшая опасность».

Партийные комитеты ВКП(б) имели незначительные средства. Пришлось обратиться с призывом к рабочим жертвовать на литературу для фронта. Последние живо откликнулись на этот призыв партии. «Солдатская Правда», «Социал-Демократ», большевистские листовки и т. д. потекли на фронт, где их с нетерпением ждала солдатская масса.

В этот период было получено партией громадное количество солдатских писем с фронта.

– «Товарищи! Со слезами на глазах просим вас,—писали солдаты,—прикажите всему пролетариату кончить ненавистную, проклятую бойню. Мы, солдаты, не верим тем прохвостам, которые убеждают за продолжение войны. Этим они хотят свести Россию в положение Бельгии и Сербии, а потом

уже буржуазия расправится с пролетариатом, как ей будет душе угодно. Нас точно так же опутывало николаевское правительство, а теперь опутывает Керенский и компания. Но не удастся им. Скорее они пойдут на остров, где был Наполеон».

Большинство писем кончалось таким образом:

«Да здравствует товарищ Ленин, долой буржуазное правительство Керенского и К°, долой войну, мир во что бы то ни стало, хотим жить, долой смертную солдатскую казнь, перенести ее на буржуазию!»

При таких условиях было нелегко провести в жизнь те мероприятия, которые были выработаны генералами под председательством Керенского в ставке 16 июля 1917 года.

* * *

Как известно, Временное правительство князя Львова, а затем Керенского, а также меньшевики и эсеры, входившие в Совет рабочих и солдатских депутатов, непрерывно распространяли самые нелепые, клеветнические слухи в армии и в тылу против большевистской партии. «Большевики разлагают армию», «большевики—агенты Германии», «большевики зовут на беспорядки и бунты»—вопили кадеты, меньшевики и эсеры.

Но рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели, а также и «не одетые» в шинели с каждым днем все более начинали осознавать, кто их настоящие враги и кто их искренние друзья.

«Политический шантаж есть угроза разоблачением или разоблачение фактических, а чаще вымышленных «историй»,—писал тогда т. Ленин,—в целях политически нанести ущерб, оклеветать, от-

нять или затруднить противнику возможность политической деятельности.

Наши республиканские, извините за выражение, даже демократические буржуа и мелкие буржуа проявили себя героями политического шантажа, поднимая «кампанию» наветов, лжи и клеветы против неугодных им партий и политических деятелей. Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует грязно, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и пр. и пр. Большевики в особенности имели честь на себе испытать эти приемы преследований республиканских империалистов... Дикие крики озлобления почти тотчас вслед за началом русской революции несутся против большевика со страниц всей буржуазной и почти всей мелкобуржуазной печати» *).

На протяжении многих месяцев 1917 г. в распоряжении большевистской партии были только устная речь и печать. Но и против этих двух наших факторов всемерно боролась буржуазия и ее «социалистические» помощники в лице меньшевиков и эсеров.

«Мы имеем в своем распоряжении только слово. И этого слова нас хотят лишить»,—писал Ленин.— «Правду» на фронт не пускают. «Киевские» агенты постановили «Правду» не распространять. «Земский союз» **) «Правды» в своих киосках не продает.

---

*) Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 63 — 64.

**) „Земский союз" — организация, объединявшая губернские и уездные земства в целях обслуживания армии в санитарном, продовольственном и прочих отношениях.

Городские думы были организованы в „Союз городов". Организация, объединившая оба союза, называлась „Земгор". Пред-

И наконец нам обещают вести «систематическую борьбу с проповедью ленинизма» *).

Но полностью осуществить этот старый, испытанный способ борьбы царизма продажным официальным вождям «демократии» не удалось.

Большевистская литература давала рабоче-крестьянским массам то, чего они действительно ждали,—ясные руководящие указания и разоблачения потока лжи, исходящего от временных правительств, меньшевистско-эсеровского Совета рабочих и солдатских депутатов и так называемой «свободной» прессы того времени.

По данным военного бюро при Московском комитете большевиков, в мае и июне 1917 г. в действующую армию ежедневно отправлялось бесплатно до 3 000 газет и более 1 000 брошюр **).

Ввиду того, что снабжение фронта литературой посылками не оправдало себя, так как эти посылки за редкими исключениями пропадали, был принят более верный способ ***).

седателем Земского союза состоял князь Львов, союза городов—московский городской голова Челноков. Земские и городские деятели, создавая свои союзы, одновременно преследовали две цели: организацию общественных сил для победы над внешним врагом и постепенное врастание общественных буржуазных организаций в царистский государственный аппарат.

Втечение трех лет войны, располагая большими правительственными субсидиями, объединив вокруг себя большое число сотрудников и раскинув сеть своих организаций на фронте и в тылу, Земский союз вырос в крупную общественную силу, пытавшуюся оказать свое влияние на политическую жизнь страны.

В годы гражданской войны Земский союз был по ту сторону красных фронтов и работал на белогвардейцев.

*) Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 1-я, стр. 238.

**) Не менее продуктивную работу по снабжению фронта литературой развила и Ленинградская организация.

***) У военного бюро при МК (большевиков) имелись связи с войсковыми частями на всех фронтах. Число солдат с фронта,

Бо́льшая часть литературы передавалась непосредственно солдатам-фронтовикам через их делегатов, которые сотнями приезжали в Москву за литературой, а также посылалась с маршевыми ротами, отправляемыми на фронт из Московского гарнизона.

Солдатские письма с фронта были переполнены просьбами выслать литературу:

«Товарищи, социал-демократы, мы, солдаты 673-го пехотного Прилуцкого полка, 8-й роты, просим у вас программу, пожалуйста пришлите, потому что мы здесь сидим в окопах и между нами происходят споры. И мы не знаем, к какой партии примкнуть, потому что много ораторов и высказываются за различные партии. Мы и просим вас не оставить нашей просьбы. Пришлите нам программу свою, за которую мы должны голосовать».

посетивших бюро за время с 24 марта по 11 июня и снабженных литературой, достигло 838 человек.

В провинцию, в воинские части и в деревню отправлено газет и брошюр с 1 мая по 11 июня:

„Солдатской правды"	7 035 экз.
„Социал-демократа"	3 635 „
Брошюр	1 452 „
Журнала „Спартак"	25 „
Программы РСДРП	197 „

В громадном большинстве солдатских писем мы находим места, где фронтовики просят настойчиво послать не только агитаторов в их родные деревни, но и выслать „полезные для населения и семьи книжки". Вот, например, солдат 55-й артиллерийской бригады пишет:

„Прошу напечатать воззвание батрацкому сельскому населению и Старо-костычевскому волостному комитету, пусть выпишут для темного населения брошюры и листки, которые укажут путь к лучшей будущей жизни" („От Февраля к Октябрю", стр. 81).

А когда литература получалась и прочитывалась, то фронт быстро откликался, посылая свою благодарность за разоблачение предательской политики Временного правительства Керенского и соглашательской политики меньшевистско-эсеровского Совета рабочих и солдатских депутатов.

«С торжественной радостью шлю вам, товарищи, от имени полка достойную благодарность за посылку мне вашей газеты, где только мы видим светильник нашего пути к жизни и видим также, что он ни на минуту не погаснет, а все более разгорается, так что близок тот день, когда этот светильник проникнет во все уголки нашей страны и других».

Или другой солдат пишет:

«В особенности благодарю за речь Ленина, о которой я так жаждал и страдал, теперь же я в свою очередь с этой речью т. Ленина знакомлю товарищей-солдат, особенно которые подрывали по своей глупости доверие, а в настоящий момент сожалеют, за что т. Ленин подвергался злым нападкам и клевете. В настоящее время наша нестроевая рота присоединяется целиком, а полк то же самое большинством присоединяется к вашей партии и будут защищать от всех нападков со стороны кровожадных ворон и всех буржуазных отраслей, а также стремиться к распространению уважаемой литературы» *). Можно было бы привести еще много сотен аналогичных писем, в коих ярко чувствуется, что большевизация солдатской массы развивалась с громадной быстротой. Следует помнить, что одновременно с распространением

---

*) Сборник Истпарта Московского комитета ВКП (б) „От Февраля к Октябрю", стр. 81—82.

большевистской литературы в громадном количестве издавались и распространялись газеты и брошюры других партий, но ни одна из них не имела такого успеха, особенно после позорного провала июньского наступления, как большевистские газеты и брошюры, столбцы и страницы которых были наполнены тем материалом, который воспитывал и углублял классовое сознание рабоче-крестьянской солдатской массы на фронте и в тылу.

* * *

После военного совещания в ставке 19 июля вместо Брусилова верховным главнокомандующим был назначен генерал Корнилов *).

События, которыми были наполнены три последние месяца перед Октябрьской революцией, представляют собой громадный интерес.

Карательная политика Керенского и Корнилова в борьбе с разложением армии в августе выразилась в том, что начались расстрелы солдат на фронте, много частей было расформировано. Фронтовиков тысячами сажали в тюрьму. Работа выборных комитетов была сведена к нулю. Возмущение солдатской массы достигло крайних пределов. Старая армия окончательно разваливалась. И уж теперь никакая сила не могла восстановить элементарную дисциплину, о возможности же нового наступления и говорить не приходилось. Дезертирство приняло грандиозные размеры.

Фронтовики десятками сотен стали уходить в тыл. Оставшиеся на фронте части продолжали на-

---

*) Керенский в качестве своего помощника назначил военным министром Савинкова, портфель морского министра и министра-председателя оставил за собой.

ходиться в напряженном, нервном состоянии, как бы приняв выжидательную позицию. И в это время можно смело сказать, что в землянках на фронте кроме большевиков у солдатской массы никто авторитетом не пользовался.

Эсеры, которые, пользуясь тем, что три четверти солдат в окопах состояли из крестьян, вели демагогическую агитацию среди фронтовиков по земельному вопросу, теперь стали терять доверие фронтовиков. Солдаты-крестьяне, видя двурушничество этой партии, которая то присоединялась к тому, что говорили о земле большевики, то отскакивала к меньшевикам (последние в это время уже в глазах солдатской массы мало чем отличались от кадетов), стали более осторожно относиться к тому, что говорили эсеры.

Большинство солдат, не видя четкой, прямой линии в поведении эсеров, говорили: «Их прямо не поймешь: сегодня одно, завтра—другое. Это просто какая-то партия К. В. Д. (т. е. куда ветер дует)».

Керенский и Корнилов беспощадно боролись с большевистскими настроениями у солдат, но ни тюрьмы, ни расстрелы, ни расформирования частей помочь уже не могли.

После Государственного совещания *), которое было созвано Керенским в Москве 12 августа, и на котором верховный главнокомандующий генерал Корнилов выступал в глазах буржуазии, как «спаситель» отечества, а меньшевик Церетели целовался публично с представителем крупной буржуазии Бубликовым, события пошли еще быстрее.

---

*) Целью совещания было укрепить положение правительства, авторитет которого после июльских дней в Петрограде сильно упал.

Это совещание было переломным моментом в политике Керенского и Корнилова.

Первый увидел, что его конкурент—генерал пользуется громадным успехом у буржуазии, а отсюда и становится крайне опасным для власти Керенского. Англо-французский капитал также возлагал большие надежды на генерала Корнилова. «Я надеюсь,—писал британский посол в Париже, лорд Берти,—что Корнилов почистит, как следует, этих солдат-социалистов, удирающих с фронта» *).

Московское совещание показало Корнилову, что вся буржуазия на его стороне, а эсеры и меньшевики в нужную минуту не откажут в помощи. Что будут говорить рабоче-крестьянские массы, Корнилова мало интересовало, ибо с ними разговор для него был прост—пушки и пулеметы. Но, как показал дальнейший ход событий, это был большой просчет Корнилова и поддерживавшей его группы генералов и офицерства. Пушками и пулеметами в октябре заговорили именно рабоче-крестьянские солдатские массы **).

Еще до поездки в Москву на Государственное совещание генерал Корнилов 7 августа отдал распоряжение собрать в районе Ново-Сокольники—Невель—Великие Луки три казачьих дивизии III конного корпуса и одну «дикую» туземную кавалерийскую дивизию. Эту переброску частей он объяснял тем, что, мол, Петроград не совсем обеспечен от возможного перехода немцев в наступление

*) Лорд Берти. За кулисами Антанты, стр. 151, ГИЗ, 1927 г.

**) Процесс большевизации масс шел в это время гигантскими шагами. Уже в августе в Москве за большевистский список голосовала подавляющая масса солдат Московского гарнизона, а выборы в районные думы дали большевикам 52%.

на Ригу и Петроград. Конечно, такое объяснение было только ширмой, так как в это время у Корнилова уже созрел план захвата Петрограда в свои руки.

Его начальник штаба генерал Лукомский в своих воспоминаниях откровенно пишет о том, что Корнилов говорил ему в эти дни. Эти страницы из «Воспоминаний» генерала Лукомского представляют большой интерес *). Получив приказание генерала Корнилова о переброске четырех кавалерийских дивизий в вышеуказанный район, генерал Лукомский сперва не мог понять, для чего это делается. Корнилов ему сказал, что он решил сосредоточить эти силы для обороны Риги. Тогда Лукомский ответил Корнилову:

«Я, конечно, сейчас же отдал необходимые распоряжения, но у меня получается, Лавр Георгиевич, впечатление, что вы чего-то не договариваете. Выбранный вами район сосредоточения конницы очень хорош на случай, если бы ее надо было бросить на Петроград или на Москву; но, на мой взгляд, он менее удачен, если идет речь лишь об усилении Северного фронта (т. е. района Риги— *Р. Э.* и *В. М.*).

Лукомского этот вопрос так заинтересовал, что он сказал Корнилову, что тот от него что-то скрывает, а поэтому и выходит так, что ему не доверяет. А если последнее верно, то оставаться начальником штаба у такого командующего он не может, и он хочет верить, что Корнилов ему доверяет. Вот тогда-то Корнилов и раскрыл свой план, он сказал Лукомскому:

---

*) Ген. Лукомского „Воспоминания", т. I, стр. 223—228. Берлин, 1922.

«Как вам известно, все донесения нашей контрразведки сходятся на том, что новое выступление большевиков произойдет в Петрограде в конце этого месяца. Указывают на 28—29 августа...

По опыту 20 апреля (3 мая) и 3—4 (16—17) июля (здесь имеется в виду грандиозная демонстрация рабочих и солдат в Петрограде—*Р. Э.* и *В. М.*) я убежден, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут смещены, а если чудом Временное правительство останется у власти, то при благоприятном участии таких господ, как Черновы, главари большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов останутся безнаказанными.

Пора с этим покончить.

Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собирался.

Вы правы. Конный корпус я передвигаю главным образом для того, чтобы к концу августа подтянуть его к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины, как следует.

Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов...

Но впредь ничего никому говорить нельзя, так как господа Керенские, а тем более Черновы на все это не согласятся и операцию сорвут».

Таков был контрреволюционный замысел Корнилова. Корнилов был прав, говоря, что Керенский не

должен был знать этого плана, так как вполне естественно после удачного переворота и захвата Петрограда Корниловым Керенский, в лучшем случае, остался бы без места, а возможно и без головы.

Когда контрреволюция начинает рубить лес, если это у нее хорошо выходит, то о щепках ей заботиться не приходится. Убедившись после поездки в Москву на совещание, что он является «кумиром буржуазии» и зная, что Союз офицеров армии и флота, Союз георгиевских кавалеров и Союз казачьих войск всецело на его стороне, Корнилов приступил к осуществлению плана захвата государственной власти.

Как мы уже говорили, для Керенского Корнилов был сильным конкурентом. Керенский, видя, что с каждым днем почва из-под его ног начинает уходить и желая сохранить за собой государственную власть, сперва был не прочь заключить союз с Корниловым и установить диктатуру из двух лиц.

В это время для них обоих главным противником была непрерывно растущая в армии и в стране большевизация трудящихся масс.

Англо-французский империализм, видя, что шансы на дальнейшую доставку русского пушечного мяса становятся все более неосуществимыми, продолжал изыскивать способы, чтобы по возможности оттянуть преждевременный выход России из войны.

«В России дела идут все хуже и хуже. Если бы только у Керенского хватило ума,—пишет лорд Берти,—объединиться с Корниловым, чтобы выгнать всю эту сволочь из Петербурга, то, может

быть, был бы восстановлен хоть какой-нибудь порядок *).

Но рабоче-крестьянские массы не только мало, но и совсем перестали обращать внимание на эту бессильную и беснующуюся злобу капиталистов и империалистов из Парижа и Лондона.

Боязнь выступления большевиков заставляет Керенского послать 20 августа своего помощника по военному министерству Савинкова в Могилев (ставка) к Корнилову и просить последнего отдать распоряжение, чтобы III конный корпус был прислан в район Петрограда. 21 августа немцы, перейдя в наступление, заняли Ригу. Корнилов с большим удовольствием согласился направить кавалерию в Петроград, так как это полностью входило в его план переворота. Успехи же немцев в рижском направлении как бы оправдывали переброску войск в район Петрограда.

26 августа началось движение кавалерийских дивизий генерала Крымова на Петроград. В своем приказе от 25 августа 1917 года генерал Крымов приказывал не позднее утра 1 сентября занять Петроград и навести порядок «самыми энергичными и жестокими мерами **).

В это время Корнилов весьма настойчиво просил Керенского и Савинкова приехать к нему в ставку. Это было необходимо Корнилову для того, чтобы арестовать Керенского и тем еще больше развязать себе руки. Керенский не поехал. Он частично узнает план Корнилова через Львова (обер-прокурор Синода в первом составе Временного

*) Берти. За кулисами Антанты, стр. 155, ГИЗ, 1927 г.

**) Полный текст приказа имеется в архиве Октябрьской революции — „Дело о Корнилове", № 26, а также в книге Мартынова. Корнилов, стр. 94 — 95.

правительства), сообщившего, что 18 августа в ставке в секретном совещании было решено провозгласить военную диктатуру. Этого было достаточно, чтобы Керенский до этого крайне опасливо относившийся к «славе» Корнилова, забил тревогу. Он буквально ударяется в панику. Ему уже ясен его собственный промах (просьба о присылке 3-го конного корпуса). Время шло, надо было действовать. Он послал телеграмму в ставку следующего содержания:

«Ставка. Генералу Корнилову. Приказываю вам немедленно сдать должность генералу Лукомскому, которому, впредь до прибытия нового верховного главнокомандующего, вступить во временное исполнение обязанностей главковерха. Вам надлежит немедленно прибыть в Петроград. Керенский» *).

Лукомский, будучи теперь уже в курсе контрреволюционного плана Корнилова, отказывается сменить Корнилова, а последний отказывается исполнить приказ Керенского. Лукомский послал ответ Керенскому, из которого видно, что войска продолжают свое движение на Петроград. Комиссар Временного правительства при главковерхе Филоненко пытался уехать из ставки, но Корнилов его арестовал и не пустил. Керенский в истерике бросился к меньшевистско-эсеровскому Центральному исполнительному комитету Советов и просил у него поддержки против мятежника Корнилова. Он приказал 27 августа командиру III корпуса остановить движение войск на Петроград, говоря, что в «городе полное спокойствие и никаких выступлений не ожидается». Но войска, выполняя приказ

*) Мартынов. Корнилов, стр. 101, изд. Научно-Уставного отдела штаба РККА, 1927 г.

генералов Корнилова и Крымова, продолжали двигаться на Петроград.

Корнилов, отказавшись выполнить приказ Керенского, сообщил правительству:

«Я твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый нашей родиной, я со своего поста не уйду».

Но рабочие и крестьянские массы знали, чем пахнет эта «родина» генерала Корнилова. Большевистские организации Петрограда и Москвы обратились с воззванием к пролетарским массам, в которых подробно разоблачали контрреволюционный смысл корниловского выступления.

Революционные рабочие и солдаты Петрограда быстро организовали красногвардейские отряды. Они выступили против двигающихся войск генерала Крымова. Железнодорожники препятствовали переброске эшелонов с кавалерией генерала Крымова. В войсках Крымова вскоре появились признаки разложения. Они перестали слушаться приказаний своих офицеров и остановились. Керенский вызвал к себе генерала Крымова; последний, видя, что авантюра сорвалась, так как солдаты против офицерства, выехал в Петроград. Через несколько дней генерал Крымов кончил жизнь самоубийством. Временное правительство арестовало генерала Корнилова и посадило его в Быховскую тюрьму. Охрана этого мятежника была организована небрежно. Вскоре Корнилов бежал из тюрьмы на Дон к генералу Каледину и начал организовывать борьбу, но уже не против Керенского, ибо, пока генерал Корнилов пробирался к генералу Каледину, в Москве и Петрограде победила Октябрьская революция *).

*) В январе и феврале 1918 г. Красная гвардия разбила корниловские отряды на Дону. Корнилов был убит разорвав-

Решающая роль, которую играли большевистские организации в подавлении корниловского мятежа, их умение организовать массы, направить агитацию в самое сердце контрреволюции, еще больше сплотили вокруг нашей партии широкие рабочие и крестьянские массы. Последние теперь ясно осознали всю правильность предвидения т. Ленина, который говорил:

«Либо разгон советов и бесславная смерть их, либо вся власть советам—это я сказал перед Всероссийским съездом советов в начале июня 1917 года, и история июля и августа подтвердила правильность этих слов с исчерпывающей убедительностью» *).

Без преувеличения можно сказать, что вызов, брошенный революции выступлением Корнилова, имел своим последствием полный крах помещичье-эсеровского влияния в солдатских массах и завершение распада самой армии, как цельного организма.

Сводки комиссаров Временного правительства и начальников частей и гарнизонов отныне пестрят сообщениями об отказе целых частей повиноваться приказам начальников, убийствах офицеров (например, убийство 11 офицеров в Выборге) и т. д. Старые крепостнические устои царской армии рухнули, а Временное правительство оказалось не в силах организовать и направить в русло революции бушующую солдатскую стихию.

Выступление генерала Корнилова ускорило также сравнительно медленно развивавшееся до этого расслоение внутри самого офицерства. Часть

шимся снарядом. Каледин сам застрелился. Но на смену этим контрреволюционным генералам поднимались все новые и новые, включительно до 1920—1921 гг.

*) Собр. соч., том XIV, ч. 2-я, стр. 103.

офицеров военного времени уже открыто выступает против Корнилова и осуждает контрреволюционную деятельность главного комитета Союза офицеров армии и флота. Кое-где, как, например, в 8-м Гренадерском московском полку эти протесты сопровождаются выходом строевых офицеров из союза.

Для того чтобы больше не иметь себе соперников министр-председатель Керенский прибавил себе еще одну должность, а именно—стал во главе всех вооруженных сил, объявив себя 30 августа верховным главнокомандующим. В качестве начальника штаба Керенский взял к себе старого, испытанного, а главное «послушного» царедворца—генерала Алексеева.

Состояние же всех вооруженных сил, во главе которых стал Керенский, в сентябре было следующее: в «неподлежащих оглашению» сводках донесений о настроениях армии, которые составлялись военно-политическим отделом штаба главковерха, мы находим такие места:

«Общее настроение армии продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, попрежнему является неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее притти к какой-нибудь развязке. Кроме того недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира, угнетающе действуют на настроение солдат и приводят к разочарованию».

В этой же сводке приводится донесение командующего XII армией, который, имея связь с другими командующими, пишет:

«Армия представляет из себя огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием. Такая характеристика, без особой натяжки, может быть применена ко всему фронту вообще» *).

Дальше эти сводки наполнены донесениями об участившихся случаях братания по вему фронту, причем указывается, что противодействие братанию со стороны офицеров и комитетов вызывало страшное озлобление у солдатской массы.

К офицерству отношение было не только недоверчивое, но враждебное, и случаи убийства командного состава были весьма часты.

Солдаты продолжали говорить: «С первым холодным осенним ветром на позициях не останется ни одного человека».

Таким образом развал и разложение как в тылу, так и в окопах дошли до такого предела, дальше которого итти было уже невозможно.

Верховный главнокомандующий и «вождь российской демократии» Керенский со всей своей кадетско-эсеровско-меньшевистской компанией не только остались без армии, но и без «демократии».

Рабоче-крестьянские солдатские массы шли на всех парах к великому Октябрьскому перевороту, и с лозунгом «да здравствует большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов» 25 октября (7 ноября) 1917 г. пролетариат, опираясь на крестьянство, взял государственную власть в свои руки. Старая армия ждала ответа относительно мира теперь уже от большевиков.

*) „Разложение армии в 1917 году". Центрархив, 1925 г., стр. 143—144.

* * *

Теперь посмотрим, как встретила армия на фронте Октябрьский переворот.

Политическая обстановка на фронте к этому времени рисовалась примерно следующим образом. Армейские и войсковые комитеты, возглавляемые Общеармейским комитетом при ставке, к моменту Октябрьского переворота находились в своем большинстве под политическим руководством мелкобуржуазной интеллигенции, эсеров и меньшевиков. Что же касается солдатских масс, то их настроение может быть охарактеризовано результатами выборов в Учредительное собрание, давшими эсерам 1 885 000 голосов, а большевикам 1 671 000 голосов (без голосов фронта). Армия к октябрю-ноябрю 1917 года была уже наполовину большевистской. Другая половина—«эсеровская»—в своей солдатской части представляла весьма ненадежную опору для Временного правительства, особенно в вопросе о мире и военных обязательствах перед союзниками. К октябрю вся солдатская масса, за весьма и весьма малым исключением, желала немедленного заключения мира... В этом смысле низы армии были уже подготовлены для восприятия Октябрьского переворота, одним из основных лозунгов которого явился лозунг борьбы за немедленный мир. Последующие события целиком подтвердили всю непрочность эсеровского влияния в армии.

На Октябрьский переворот соглашательские и мелкобуржуазные армейские и войсковые комитеты ответили невиданной до этого провокацией и запугиванием общественного мнения армии. Общеармейский комитет при ставке заседал непрерывно.

Со всех сторон сыпались публикуемые в его «бюллетенях» резолюции от имени армий, корпусов и дивизий, гласившие, что большинство армий не хочет признать большевистского правительства в Петрограде, осуждает переворот и т. д. Большевики вновь выставляются в качестве «наемников» германского империализма. Вновь была поднята кампания беззастенчивой лжи и клеветы по адресу революционных солдат Петроградского гарнизона и петроградских рабочих, которых буржуазия и соглашатели называли «шкурниками». Кадетская печать по всей стране, смакуя, подхватывала наполненные клеветою сообщения Общеармейского и армейских комитетов, что фронт, будто бы, против Октябрьского переворота. В начале ноября Общеармейский комитет при ставке верховного главнокомандующего пытался взять на себя руководство организацией нового Временного правительства. В Могилев приехали видные руководители эсеров: Чернов, Гоц, Авксентьев и др., Чернов намечался министром-председателем Временного правительства.

Ставка верховного главнокомандующего, ставшая местом сборища и приюта монархистов и кадетов, та ставка, которая в начале марта 1917 года трогательно, со слезами провожала «обожаемого монарха» Николая II, теперь эсеровским Общеармейским комитетом объявляется... «сердцем армии».

Вот какую резолюцию вынес этот комитет 18 ноября 1917 года:

«Ставка не может перейти под власть прапорщика Крыленко. Ленин и его единомышленники ведут не к успокоению страны, а наоборот, по их личному заявлению, они стараются углубить гра-

жданскую войну внутри России, дабы вызвать всеобщий мировой переворот. Общеармейский комитет, желая сохранить армию во что бы то ни стало, как единственную защиту страны, будет бороться за сердце ее—ставку всеми доступными и возможными средствами, в крайнем случае, даже активным выступлением вооруженной силы».

О чем говорит эта резолюция? Она говорит о том, что эсеры из Общеармейского комитета услужливо подготовляли дорогу для помещичье-генеральской контрреволюции. Конечно, сама ставка тоже не теряла времени. Протесты против Октябрьского переворота, фабриковавшиеся от имени армии эсеровскими «комитетчиками», толкнули ставку на путь вооруженного сопротивления Октябрьскому перевороту. Должность главковерха после бегства Керенского занял генерал Духонин. Генерал Духонин отказался выполнить поручение Совета народных комиссаров немедленно приступить к мирным переговорам с немцами.

Последнее обстоятельство заставило Совет народных комиссаров отдать приказ об увольнении Духонина, вместо которого и был назначен т. Крыленко.

Тов. Ленин обратился ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам с радиотелеграммой, в которой писал следующее:

«Солдаты, дело мира в ваших руках, вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший

революционный и военный порядок. Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет народных комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами, подписать окончательный договор о перемирии может только Совет народных комиссаров. Солдаты, дело мира в ваших руках; бдительность, выдержка, энергия, дело мира победит» *).

Генералу Духонину было приказано сдать все дела ставки т. Крыленко. Но ставка тормозила выполнение этого приказа советского правительства, готовясь вместе с меньшевистско-эсеровским Общеармейским комитетом оказать активное сопротивление.

Наступил острый момент. К Могилеву были стянуты казачьи полки и полк ударников. Белый главковерх от контрреволюции генерал Духонин был противопоставлен красному главковерху прапорщику т. Крыленко.

Ставка и Общеармейский комитет в своей контрреволюционной работе нашли решительную поддержку со стороны иностранных военных представителей при главковерхе, с начальником британской миссии генералом Бартером во главе. Обращаясь со своим «самым энергичным протестом» **) против перемирия к уже уволенному советским правительством главковерху генералу Духонину, иностранные военные представители тем самым демонстративно подчеркивали, что они не признают

*) Материалы и документы Центрархива — „Разложение армии", стр. 169.

**) Протест иностранных военных миссий от 10 декабря 1917 года.

Октябрьского переворота и распоряжений советской власти. Так было положено начало политике интервенции и активной поддержке извне врагов Октября, началу гражданской войны.

Однако всем ходом событий политика ставки и общеармейского комитета была обречена на гибель. Протесты эсеровских комитетов и их провокация и ложь не имели за собой действительной силы. Даже казачьи части, стянутые в Могилев, стали колебаться и не пожелали выступить на вооруженную борьбу против Октябрьской революции.

20 ноября почти без единого выстрела в Могилев вступили революционные войска во главе с т. Крыленко. Войсковые части одна за другой стали присоединяться к пролетарской революции. Происходили стихийные перевыборы комитетов и отзыв оттуда соглашателей. Старая армия, как единая сила и организм, перестала существовать. В очерченном выше распаде и развале старой армии мы видели, как все время противопоставлялись друг другу два мира—белый и красный. Между ними бессильно барахтались социал-соглашательские партии (эсеры, меньшевики и т. д.), в конечном счете, неизменно игравшие на руку генеральской контрреволюции. Из рядов умирающей старой армии создались кадры для будущей Красной и будущих белых армий.

Украинская Рада, опираясь на национальные формирования, в полном согласии с Общеармейским комитетом при ставке, с самых первых дней Октябрьского переворота вступила на путь открытой борьбы с пролетарской революцией, разоружая большевистски настроенные части. Польский корпус генерала Довбор-Мусницкого, сохранявший

нейтралитет в первые недели Октябрьского переворота, вскоре открыто выступил против власти рабочих и крестьян. В ночь с 18 на 19 ноября Корнилов с группой замешанных в его восстании генералов (Деникин, Марков, Дроздов и др.) под охраной своих текинцев бежал из Быховской тюрьмы. На «Вольном Дону», стянув к себе наиболее надежные казачьи части, генерал Каледин оказал приют не только этим генералам, но и другим контрреволюционерам. Расстановка сил для первого акта гражданской войны была закончена. Занавес поднят. Вся та громадная работа по организации сил контрреволюции, которая под прикрытием меньшевистско-эсеровских комитетов проводилась в армии монархистами и кадетами, всплыв наружу, превратилась в открытое вооруженное действие. Большевистская партия видела, что со старой армией необходимо скорее покончить. В чудовищно трудных условиях, в условиях величайшей бедности, разрухи транспорта и т. д., полученных в наследство от царя и четырех временных правительств, проведена была демобилизация старой армии.

Великий Октябрь прекратил бессмысленные и бесцельные страдания старой армии, дав спокойно умереть этому прогнившему организму и затем создал новую, монолитную, закалившуюся в боях гражданской войны классовую армию рабочих и крестьян.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ОКТЯБРЬ

В. И. ЛЕНИН
ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Составил и снабдил примечаниями М. Пошерстник.
Предисл. С. С. Кривцова.
Стр. 94. (Ленинская библиотечка партийца.) Ц. 25 к.

В сборник вошли извлечения из следующих статей и речей В. И. Ленина: Оценка Февральской революции. Как окончить войну. Пять месяцев соглашательства меньшевиков и эсеров с буржуазией. Оценка июльских событий. Крестьяне и рабочие. О советах. Что нужно для успешности восстания. Октябрьское восстание. Большевики должны взять власть.

В. И. ЛЕНИН
ПАРТИЯ И КЛАССЫ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ
Составил В. Н. Панфилов.
(Печ.)

П. КОЛОМОЙЦЕВ
КРЕСТЬЯНСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ
Стр. 140. Ц. 1 р. 20 к.

С. А. ПИОНТКОВСКИЙ
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ. ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ХОД
Популярно-исторический очерк.
Изд. 3-е. (Истпарт.)
Стр. 104. Ц. 50 к.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Изд. 3-е, исправл. и дополненное.
(Истпарт.)
Стр. 264. Ц. 1 р. 20 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

БОРЬБА ЗА ОКТЯБРЬ
В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

П. Е. ДЫБЕНКО
МЯТЕЖНИКИ
Стр. 117. Ц. 25 к.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ 1917 г.
Статьи, воспоминания и документы под общей редакцией П. Ф. Куделли
Стр. 170. (Ленинградский Истпарт.) Ц. 75 к.

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ
КРОНШТАДТ И ПИТЕР В 1917 ГОДУ
Стр. 280. (Истпарт.) Ц. 2 р.

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС
НАРОДНЫЕ МАССЫ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(Очерки русской революции.)
С иллюстрациями в тексте.
С предисловием Э. Синклера. Перев. с англ.
Стр. 188. Изд. 3-е. Ц. 60 к.

ДЖОН РИД
ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР
Перев. А. Ромма.
Изд., исправлен. и дополн. (Печ.)

Б. ШУМЯЦКИЙ
СИБИРЬ НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ
(Выходит из печати.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР

Н. БАТУРИН

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ 70-х и 80-х ГОДОВ

Изд. 2-е, исправл. (Истпарт)

Стр. 80. Ц. 20 к.

А. ЧЕКИН (В. ЯРОЦКИЙ)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Стр. 110. Ц. 60 к.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ

Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С пред. Я. А. Яковлева. (Центрархив. 1917 год в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева).

Стр. 371. Ц. 4 р.

А. КАЦ и Ю. МИЛОНОВ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

[1905. Материалы и документы. Под общ. ред. М. Н. Покровского. Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и Истпарт ЦК ВКП (б).]

Стр. 380. Ц. 4 р.

А. ПАНКРАТОВА

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

[1905. Материалы и документы. Под общ. ред. М. Н. Покровского. Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и Истпарт ЦК ВКП (б).]

Стр. 536. Ц. 3 р.

А. ПАНКРАТОВА

ФАБЗАВКОМЫ В РОССИИ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ФАБРИКУ

Под ред. М. Н. Покровского.

Стр. 426. Ц. 2 р.

В. И. ЛЕНИН

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С предисл. Л. Б. Каменева. [Институт Ленина при ЦК ВКП (б).]

Стр. 30. Ц. 10 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОКТЯБРЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Каплун С. И. Охрана труда и социальное страхование в СССР. (Библиотека рабочего.) Стр. 79. Ц. 35 к.

Матвеев И. В борьбе за новое жилище рабочих. Стр. 32. Ц. 15 к.

Каменецкий Г. Молодежь на производстве и профсоюзы. Стр. 68. Ц. 35 к.

Полонская Л. Пролетарка в хозяйстве СССР и профсоюзы. Стр. 120. Ц. 1 р.

Как советские законы охраняют труд и права рабочих. Популярное изложение законов о труде СССР и практики их применения. Сборник под ред. Я. И. Гиндина и Е. Н. Даниловой. Стр. VIII+288. Ц. 2 р. 50 к.

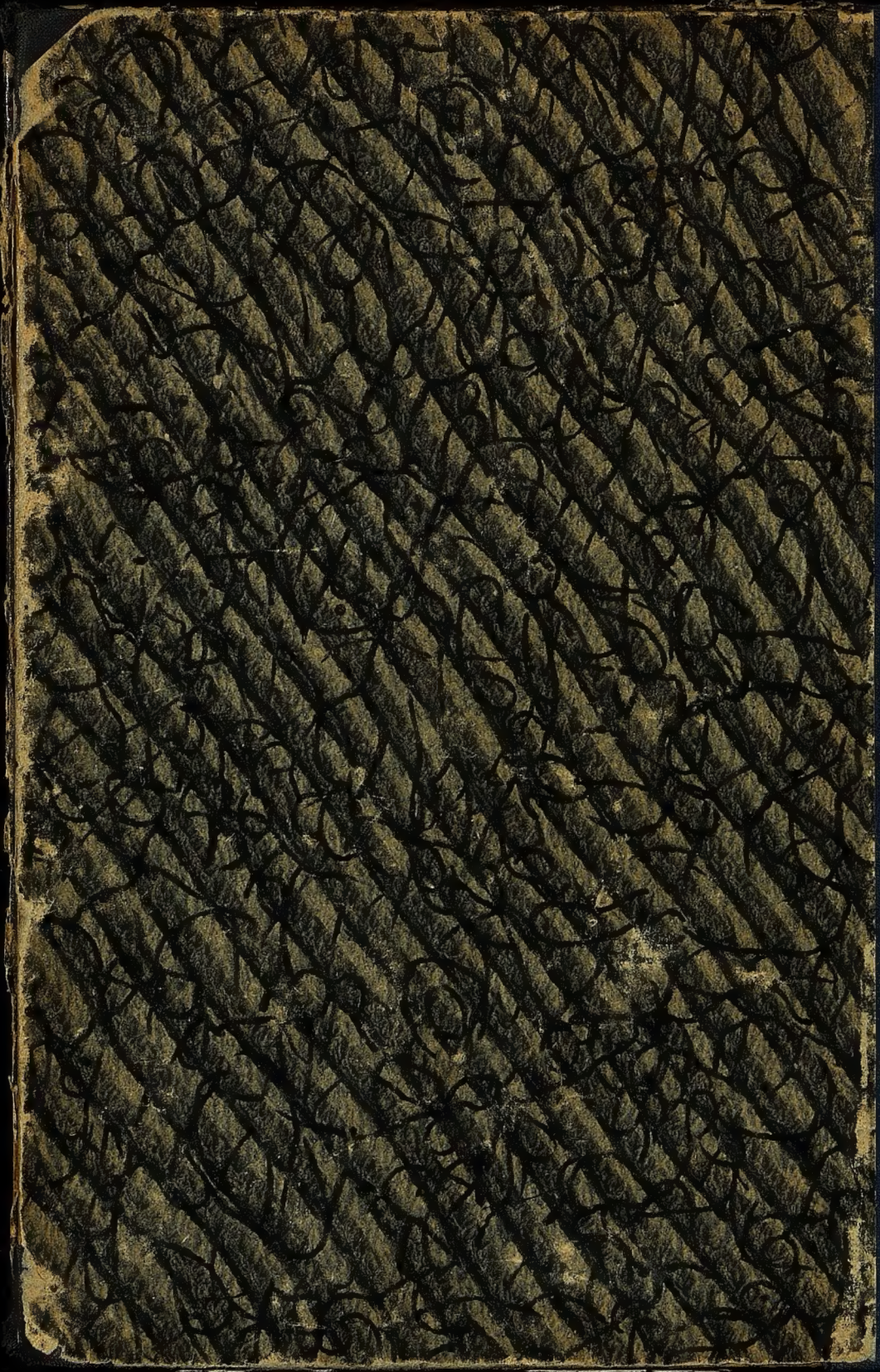
Трапезников Б. Основы трудового права. Общедоступная систематизация законов о труде. Стр. 80. Ц. 50 к.

Гинзбург А. Профсоюзы и работница. (Б-ка работницы и крестьянки. Серия „Делегатка-работница".) Стр. 24. Ц. 8 к.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ И ПРАКТИКА ПРОФСОЮЗОВ

Томский М. Итоги работы и очередные задачи профсоюзов. Доклад. Заключительное слово. Резолюция. (XV конференция ВКП (б). Стр. 127. Ц. 20 к.

Абезгауз Г., сост. Итоги работы и задачи профсоюзов. (Серия пособий по проработке решений XV конференции ВКП (б). Стр. 63. Ц. 30 к.

Догадов А. И. Итоги работы VII съезда профсоюзов СССР. Стр. 92. Ц. 20 к.

Евреинов Н. Как должны работать профсоюзы. Под ред. В. Кнорина, К. Мальцева и Н. Мандельштама. (Что решила XV конференция ВКП (б). (Библиотечка рабочего). Стр. 38. Ц. 8 к.